

[00:00:00]

Александр Пороховский: Уважаемые участники московского экономического форума. Позвольте мне представиться, меня зовут Пороховский Анатолий Александрович. Я являюсь заведующим кафедрой в Московском университете – кафедра политической экономии экономического факультета. И мне поручено провести круглый стол по той теме, которую вы знаете, она показывается сейчас на экране. Я прошу извинить, что некоторая была задержка с тем, что налаживали оборудование. Мы должны с вами потом договориться, как мы организуем работу. Потому что с учетом того, что много наших коллег собралось, было даже такое предложение – разделить на две группы. Но давайте посмотрим, может быть, мы не все, кто здесь зашел, наверное, собираемся выступать, я так понимаю?

У меня есть список, но список, который мне добавили уже и который в программе не находится, значительно больше. Если вы разрешите, я пройду по этому списку и попрошу просто подтвердить, что вы присутствуете в зале, нет возражений? Это не будет такая переключка, связанная с каким-то контролем, это просто для учета реальной аудитории находящейся в зале. Владимир Викторович Тимаков, присутствует в зале? Спасибо большое. Ждановская Александра Александровна, зарегистрировалась, что присутствует, но отсутствует. Алиса Гаджиевна Гаджиева – есть. Фомина Виктория Сергеевна – есть. Сергея Семеновича Губанова не вижу. Рудакова Искра Евсеевна отсутствует. Екатерина Игоревна Шумская – пока нет. Алексеев Сергей Владимирович тоже отсутствует. Лилит Оганесовна Антонян отсутствует. Беглова Гузель Фатиховна – тоже нет. Брижак Ольга Валентиновна, нет. Веренекин Алексей Олегович – не видно. Денис Иванович Волошин, присутствует. Игонина Людмила Лазоревна, тоже нет. Олег Олегович Комолов есть. Костибас Василенос. Рязанов Виктор Тимофеевич. Сорокин Александр Владимирович есть. Такудис Василиос есть. Лабудин Александр Васильевич. Архипов Алексей Юрьевич, есть. Долматова Светлана Анатольевна. Кайгородцев Александр Александрович. Кульков Виктор Михайлович. Теняков Иван Михайлович. Гончаренко Людмила Сергеевна. Дергачева Елена Александровна. Деленян Арут Андроникович. Кульков Виктор Михайлович. Протопопова Наталья Ивановна, есть. Нешитой Анатолий Семенович. Дубовский Сергей Васильевич. И Максимов Вадим Алексеевич.

Вот вы видите, аудитория полная, а кого называю, тех нет. Поэтому, получается так, что мы будем ориентироваться на присутствующих, а не на отсутствующих. Вначале я предоставлю слово тем, которые заранее заявили о своем выступлении и объявленной программе, а затем уже будут выступать и задавать вопросы те, кто пожелает, нет возражений?

Позвольте, перед началом сделать маленькое вступление к нашему круглому столу.

[00:05:00]

Он называется «круглый», но мы так сидим друг перед другом, и поэтому надеюсь, что это не помешает нам работать. Уважаемые коллеги, тема, которую мы предложили для рассмотрения в рамках Московского экономического форума, вы были на пленарных заседаниях, вы видели, какие шли дебаты, что предлагалось, что отвергалось, в чем сомневались, что критиковали. У нас задача другая – мы должны смотреть практические вопросы, связанные с тем, какие вызовы и какие угрозы, и как мы будем отвечать с развитием мировой экономики и мирового хозяйства.

С одной стороны, мы с вами хорошо знаем, какие тенденции складываются в других странах и во всей мировой экономике. Мы с вами видим, что происходит перестановка и изменение соотношения экономических сил в мировом хозяйстве. До сих пор, конечно, ведущей экономикой мира является экономика Соединенных Штатов, но по приоритету покупательной способности Китайская народная республика со своей экономикой, уже обошла США второй год, и ее доля на 2% выше, чем доля Соединенных Штатов. Доля Китайской народной республики уже достигает 19%, а доля США опустилась ниже 17%. Поэтому паритет покупательной способности показывает реальный вес национальной экономики в мировом хозяйстве.

Означает ли это, что для России теперь нужно ориентироваться не на американскую модель, а вы знаете, во многом, когда начались у нас рыночные преобразования, наша страна ориентировалась на американскую модель и большинство советников в правительстве Российской Федерации были именно с этой страны. Или нам теперь нужно ориентироваться на другого лидера, или вообще на азиатский континент, где не только Китай, там и Япония, там и Сингапур, там и Южная Корея, которая отличается высоким динамизмом своего развития. А самое интересно, самое главное заключается в том, что структура их экономики отвечает новым тенденциям мирового развития. И эти новые тенденции мирового развития обсуждались на Давосском экономическом форуме 2016 и 2017 года.

Если брать 2016 год, то на этом форуме специально обсуждалась, так называемая четвертая промышленная революция. И неслучайно мы сегодня посвятим ряд наших выступлений и проблемам, связанным с четвертой промышленной революцией. Вы знаете, что в нашей экономической литературе существуют разные подходы к трактовке технологического развития. И Клаус Шваб, являющийся организатором Давосского форума, и автором монографии, которая вышла по итогам этого форума, которая получила такое же название, вышла в издательстве «Эксмо», вот недавно, всего пару месяцев назад – так и называется «Четвертая промышленная революция».

Дело заключается в том, что Шваб умышленно, или как назвать – преднамеренно, назвал свою работу не какая-то там информационная или какая-то другая революция, а он специально это связал с развитием промышленности и поэтому назвал «Четвертая промышленная революция». Хотя, конечно же, как мы знаем, мы с вами знаем, развитие

информационных коммуникационных технологий, позволило ввести в оборот такие определения, как – информационная экономика, информационная революция и так далее. Но по мнению автора этой книги, Шваба, на самом деле важно не то, какие новые технологии появились, а как развивается базовая часть развития экономики, то есть промышленные отрасли.

Вот если в промышленных отраслях в связи с появлением новых технологий происходит повышение производительности труда, меняются социальные условия, то тогда и происходит вот этот процесс повышения перехода к новому этапу развития общества и экономики. Если ли же это не происходит, то тогда действительно появляются новшества, но они не влияют на общий прогресс. Так, например, вы знаете, что само по себе появление новых информационных технологий привело к тому, что постоянно растет производительность в отраслях, производящих программное обеспечение и производящих материальное обеспечение, то есть компьютеры и другие передающие устройства, связанные с информационной революцией.

[00:10:20]

Между тем, вот эта производительность там постоянно растет, а вот влияние информационной технологии на всю остальную экономику не такое большое, как казалось вначале. И даже в этой связи появились разные так называемы парадоксы, и эти парадоксы теоретические были связаны с тем, что ожидаемого общего прироста производительности в связи с информационными технологиями не произошло. Недавно в Соединенных Штатах Америки специально провели анализ динамики развития отраслей, и выяснилось, что в последние годы, несмотря на информационную революцию, темп роста производительности в среднем в США составил не более 2,5%. Хотя темпы роста производительности в самих информационных отраслях достигали значительно больших величин.

Поэтому надо прекрасно понимать, что базовые отрасли остаются базовыми независимо от революций, технологических или иных. В этой связи особенно я бы хотел обратить ваше внимание на то обстоятельство, что появление новых технологий связано так же и с тем, что растет доля сферы обслуживания в национальных экономиках. И поэтому, скажем, по добавленной стоимости, если мы будем брать структуру экономики, то по добавленной стоимости сфера услуг в экономиках развитых стран превышает 70% и достигает в некоторых случаях 80%. И это дало основание ряду авторов и специалистов объявить современную развитую экономику экономикой сервисной, то есть обслуживающей экономикой. Хотя понятие «сервисная» включает такие сферы, как финансовая сфера, образование, наука, здравоохранение – то, что многие из нас не привыкли считать как бы сервисом, а привыкли считать просто отдельными отраслями занятости, важными для всего развития.

Тем не менее, по структуре официальных счетов у нас вообще есть только две сферы деятельности – производство товаров и производство услуг. Так вот, в доле ВВП доля услуг, повторяю, в ряде случаев достигает более 70%. Возникает вопрос: а что же тогда происходит с ролью сферы услуг, как она влияет на всю экономику, если она такая высокая, может это будет и темп роста производительности расти или не будет? Это очень важный научный практический вопрос и может быть кто-то из участников нашего стола сможет подойти к ответу на этот вопрос.

Я не буду задерживать вас своим вступительным словом, хочу только сказать применительно к России: вы знаете, что мы, я имею в виду государство, многое делаем для того, чтобы выйти на параметры устойчивого экономического роста и обеспечения высокого качества жизни каждого гражданина нашей страны. Но эти усилия пока не достигли необходимых результатов. И одной из причин, на мой взгляд, с точки зрения внешних вызовов является эффективность нашей государственной деятельности. Причем я понимаю эффективность в узком и широком смысле слова, я не только понимаю эффективность как только вмешательство в рыночные процессы, но эффективность с точки зрения использования государственных ресурсов, государственного бюджета эффективности работы государственного аппарата эффективности государства, как гаранта развития национального экономического пространства.

Сегодня на пленарном заседании о пространстве говорили много, но я хотел бы сказать, что одной из важнейших проблем для России, и может быть базовой, исходной – это является проблема создания равных условий развития и жизни на всей территории страны, вовлечение в хозяйственный оборот всех уголков страны, всех ресурсов для того, чтобы не было диспропорции в развитии. Если мы этого добьемся, то мы решим и все остальные проблемы.

Позвольте на этом закончить вступительное слово и перейти к выступлениям.

[00:15:04]

У меня есть наша общая программа, вы ее тоже все имеете, и вы видите, что здесь есть вводное выступление. Я хочу предоставить слово Виктории Сергеевне Фоминой, которая сама представит свой доклад. Она является преподавателем Московского университета, экономического факультета. Фомина Виктория Сергеевна, спасибо.

Виктория Фомина: Добрый день, участники Московского экономического форума. Меня зовут Фомина Виктория Сергеевна, я ассистент кафедры политической экономии экономического факультета МГУ. Я бы хотела представить свой доклад на тему «Структурные диспропорции российской экономики и пути их преодоления». Я думаю, мы все с вами заметили, что многих конференциях, например, на Санкт-Петербургском экономическом конгрессе или сегодня на пленарной дискуссии первой обсуждались проблемы российской экономики. Я подробно на них еще раз останавливаясь не буду в

связи с тем, что они были представлены довольно ярко. А отдельно хотела бы рассмотреть проблемы именно экономического характера, то есть развития факторов производства, прежде всего труда и капитала в нашей стране.

Как вы знаете, сегодня на пленарной дискуссии наше состояние было охарактеризовано как хронический или как субфебрильный кризис, который наблюдает за собой упадок как макроэкономической динамики, так и потребительских характеристик, кроме того, индекс промышленного производства у нас так же мал. Иными словами, у нас упал как внутренний спрос, так и отечественное производство, в связи с этим наблюдается стагнация российской экономики. Кроме того, мы помним про то, что в нашей экономике наблюдается так называемая сырьевая или голландская болезнь, которая выражается в том, что экспортируем мы только энергоресурсы, не только, а как правило, а импортируем в большей степени технологии, машины и транспортные средства.

Причиной всех этих бед, по моему мнению, являются внутренние проблемы, и прежде всего – это относительно работника, конечно производительность труда. В чем это проявляется? Вот на слайде вы видите, что занятость работников в России составляет в среднем 1985 часов в год – это по данным организации экономического сотрудничества и развития. При этом валовая добавленная стоимость на отработанный час, которую многие экономисты принимают за производительность труда в стоимостном выражении практически втрое ниже, чем по организации экономического сотрудничества и развития.

Многие считают, что мы идем по пути азиатских стран, которые считают, что в почете жить и работать, и трудиться. Но я бы хотела отметить, что у японцев, например, существует такое понятие, как смерть от переработки. Там ведется статистика по этому показателю и хоть она занижается, но, тем не менее, японцы умирают практически на работе. Мы с вами прекрасно знаем, что для успешного действия работника необходимо прежде всего – успешный отдых, кроме того в статистике не учитываются транспортные затраты и затраты на обеспечение досуга. Далее, я рассмотрела темпы прироста производительности труда и среднее годовое, численность занятости по видам экономической деятельности. И заметила закономерность: в отраслях, где растет производительность труда, значительно снижается уровень занятости.

[00:20:00]

И, соответственно, наши показатели, которые публикуются российской статистической службой не являются корректными в связи с тем, что прежде всего идет стоимостная оценка деятельности. В дальнейшем я подумала – как же решать эту проблему? В России не существует такого количества человек, как в Китае, там у них капиталосберегающий тип экономического роста. Для России более важен труд сберегающий тип, иными словами, нам нужны технологии, которые заменят рутинные работы, а человек что будет делать: творить и развиваться.

Но откуда же взять средства на роботизацию так называемую? Я на слайде представила приросты доходов населения, реальных располагаемых, реально начисленной заработной платы и фактического потребления. Видим, что показатели снижаются за последние как минимум пять лет, поэтому следует сделать вывод, что денег попросту не хватает на увеличение капитализации. Чтобы работники трудились творчески, кроме того, нужны программы переквалификации, помимо новых образовательных стандартов. Опять же – откуда на них взять средства и, кроме того – время у работников?

Я думаю, преподаватели, которые здесь сидят, сталкивались с такой ситуацией, когда студенты много раз говорят: «А вы знаете, я работаю, потому что мне не хватает до прожиточного минимума». И ничего с этим сделать невозможно в России. Кроме того, роботизация может повлечь за собой следующие проблемы, прежде всего – структурную безработицу, если робот заменяет ручные операции, как это, например, делают банкоматы, то сокращается количество кассиров. «Сбербанк», например, не берет ответственности на себя за то, что увольняет работников, тем не менее, устраиваться им на работу некуда. Поэтому в будущем нам грозит еще одна и достаточно отягощенная проблема на рынке труда.

Еще одной проблемой является студенческая занятость, которая подсчитано, что около 30% региональных студентов возвращаются в собственные регионы, а остальные остаются в столице. Вот я, например, сама из Владимира, я живу в Москве, потому что работать в нашем городе негде, все предприятия закрылись, а предприятия, которые находятся на импортозамещении, сейчас на стадии только финансирования. Импортзамещение – это еще одна проблема нашей с вами экономики. В чем она подозревается? Прежде всего в износе капитала: чтобы внедрять новые технологии, нужно иметь какую-то базу.

Я посмотрела официальную статистику и проводила дополнительные исследования по многим региональным предприятиям, в особенности услуг ЖКХ. Так, например, теплообработка, водоочистение и тому подобное, и отметила, что в регионах износ основных средств достигает не только 70%, но работают вплоть до того, что залатали трубу, дай бог, до завтра продержится. В таких условиях, конечно, Wi-Fi-передатчики по контролю за трубами мы не поставим, просто не хватит средств.

Мне стало интересно, какие же господдержки есть для таких предприятий? Например, на прошлом Московском экономическом форуме выступал представитель фонда развития промышленности, и нас очень горячо и ярко убеждал, что их фонд поможет нашей экономике. Я не спорю, деньги выделяются, и может быть какие-то предприятия развиваются, но вот вы видите, я привела с их сайта количество секторов экономики, которые они предполагают спонсировать. Фактически ни одного бюджета страны не хватит, чтобы спонсировать всех и сразу – это все равно, что начинать ремонт в квартире во всех помещениях, причем с нуля.

Кроме того, существует Фонд национального благосостояния, программы министерства, но все они рассчитаны на какие компании, крупные, которые точно дадут отдачу. Вот я в подтверждение своих слов привела пример, мы поддерживаем разные отрасли – это у нас залог преимущества, но нет системного подхода. Они сами говорят о том, что у них очень короткий промежуток времени для того, чтобы помочь нашей экономике, тем не менее, отрасль не выделена как главная.

Большая часть проектов принимается по машиностроению, такие проекты как помощь «АвтоВАЗ», который, как минимум восьмой год получает убыток и тому подобное. Кроме того, вторым условием фонда развития промышленности является – мы помогаем сильным компаниям. Я действительно проанализировала, помогают дочке «Газпрома», РЖД – компании, которые так и так получают субсидирование. Вы извините, если «Российские железные дороги» покупают «Сапсан», а потом под него делают рельсы на японских заводах, это, скажем так, не повысит государственные расходы и тем более спрос.

[00:25:09]

Сроки займа, как мы понимаем, любой проект, как минимум окупается на второй, на третий год. В промышленности это время увеличивается до 10-15 лет, заем фонда развития промышленности дает лишь на пять лет, если это на развитие производства, и на семь максимум лет, если это станкостроение.

Иными словами получается очень ограниченный круг предприятий, который вообще может подать заявку, и тем более что-то успеть за это время. Кроме того, предприятия несут ответственность своим залогом, который является практически 40% от всего имущества. Соответственно, мое предложение по реформированию экономической системы не заключается в том, чтобы ломать устои, как предлагали на пленарном заседании, или менять правительство, потому что я так поняла, такие настроения там тоже есть. Достаточно просто планирование и системный подход.

Да, проблемы российской экономики глобальные; да, они систематические и мы не как не выйдем из этого кризиса, может быть потому, что у нас даже плановой статистики нет, которая показывает, насколько уровень технологий повышает валовой продукт. Например, в США этот показатель – это как многофакторная производительность, которая позволяет оценить, что же внесли технологии, так называемый остаток (нрзб) (00:25:38). Большое спасибо.

Александр Пороховский: Спасибо. Дорогие, коллеги, если нет вопросов, я тогда предоставляю слово Алисе Гаджиевне Гаджиевой. Она рассмотрит тоже вопросы связанные как раз с проблемами, с технической революцией и сферой услуг. Сейчас она объявит сама, пожалуйста. И я прошу приготовить Ивана Михайловича Тенякова, затем

мы опросим и установим порядок, который из числа желающих, которые присутствуют у нас на заседании.

Алиса Гаджиева: Добрый день. Меня зовут Алиса Гаджиева. Я бы хотела поговорить о роли государства в реализации революционного потенциала нашей страны. Как известно кейнсианский подход исходит из ведущей роли государственной политики в стабилизации экономики в период спадов, которая заключается в увеличении государственных расходов, в наращивании инвестиций, в увеличении совокупного спроса. Но в отличие от времен Великой депрессии 30-х годов, когда меры предложенные Джоном Кейнсом успешно были реализованы, мировые экономики претерпели множество изменений, таких как глобализация, развитие финансовых рынков и возрастание роли науки и знания, которые формируются в знаниеемких отраслях, сферы услуг и определяют инновационный потенциал страны, от которого во многом зависит скорость оживления экономики.

Поэтому в этой связи одной из важнейших мер государственной поддержки экономики, является вложение в развитие НИОКР. Как мы видим на рисунке 3 – валовые затраты на НИОКР во всем мире только растут, удельный вес в 2013 году вложений в НИОКР составил 2,7% ВВП в США, 4,3% в Корее и 1,1% в России. При этом вложения частного сектора, удельный вес этих вложений наивысший и большая часть из них приходится на обрабатывающую промышленность.

[00:30:10]

В России валовые затраты на НИОКР по сравнению с 2000 годом увеличились более чем на 1000%, и в частности, как видно на рисунке 2, составили в сфере услуг 9%, в промышленности 30% от общих затрат, и на общее развитие науки приходится 16%. Что касается государственного сектора, то здесь отмечается повышение доли госсектора в расходах на НИОКР во всех странах, однако наибольший прирост показывает Россия, Китай и Корея. При этом доля государственного сектора в России почти в два раза выше, чем в других странах, и составляет 30,5%. Для сравнения: в США 11%, в Китае 15%.

При этом необходимо так же подчеркнуть, что финансирование всех расходов на НИОКР в экономике в России на 69% осуществляется из госбюджета. Вот как мы видим из рисунка 4, в других странах так же этот показатель намного ниже.

Так же одна из тенденций, необходимо отметить – снижение государственных закупок на 12,6%, с 2011 по 2014 год, то есть по сравнению с развитыми странами в России 9,5% от ВВП госзакупки составляют и 24% от общегосударственных расходов. А в развитых странах, соответственно, 13% от ВВП и 30% от общих государственных расходов. Однако, несмотря на большие вложения государства в развитие науки, инновационная активность российских предприятий, численность научных сотрудников в них намного ниже, чем в других странах, которые активно применяют инновации.

Например, как видно из рисунка 5, численность персонала уменьшилась по сравнению с 2000 годом в России на 30% в частном секторе, а в общем на 16%, в государственном секторе имеется рост. В других странах численность персонала в НИОКР только растет. Что касается затрат на технологические инновации, то в обрабатывающей промышленности они падают, а вот в сфере услуг, и в частности среди компаний, занятых в сфере НИОКР, затраты на технологические инновации возрастают, и увеличились за два года на 32%.

Относительно невысокую инновационную активность предприятий и снижение персонала научного в них можно объяснить недостатком частных научно-исследовательских центров и невысоким спросом на инновации со стороны предпринимательского сектора. Причиной является низкая рентабельность от их реализации, так как государственное финансирование направлено в основном на повышение именно предложений инноваций, создаются бизнес-инкубаторы, технопарки. Но при этом большая часть инноваций не востребована рынком, по статистике, только 2% от всех инноваций коммерциализируются, то есть выходят на рынок.

С моей точки зрения основными направлениями государственной политики для оживления экономики должно стать как развитие промышленного сектора, так и стимулирование инновационного спроса, и снижение технологического заимствования. 63% импортируемых технологий приходится на обрабатывающую промышленность в данное время. И с моей точки зрения, с одной стороны, для этого необходимо предоставлять доступное кредитование инноваций государственными банками, на основе государственно-частного партнерства, так же применять налоговые вычеты, льготы для предприятий, применяющих инновации. Но так же необходимо создавать и развивать центры коммерциализации инноваций, которые связывали бы науку и бизнес, потому что зачастую даже вот инвесторы готовы инвестировать в инновации, не имеют достаточной информации о них и о том, как, насколько это выгодно.

[00:35:02]

И поэтому в штате таких центров должны работать высококвалифицированные финансисты и маркетологи, которые могли бы эффективно консультировать бизнес по тем инновационным продуктам, которые существуют, о возможности их реализации на рынке. И в общем-то, хочу сделать вывод, что развитие наукоемких отраслей сферы услуг и внедрение инноваций в бизнес является ключом к долгосрочному экономическому росту России, государство должно способствовать этому всячески. Спасибо.

Александр Пороховский: Спасибо. Я хочу сейчас пригласить выступит доцента Тенякова Ивана Михайловича. У него будет такой макроэкономический подход к нашей проблеме. И тогда мы запишем, кто будет дальше выступать. Пожалуйста.

Иван Теняков: Добрый день, уважаемые, коллеги. Тема моего выступления «Переход к неоиндустриальному типу экономического роста в России». И основные вопросы, которые

я бы хотел здесь изложить: первое – системно-историческая типология экономического роста; второй вопрос – неоиндустриальный тип экономического роста, вызовы и возможности; и третий вопрос – особенности экономического роста в России, выводы для экономической политики.

Мы с вами хорошо знаем стандартную типологию экономического роста, которая делится на интенсивный, устойчивый, не устойчивый, сбалансированный, не сбалансированный и так далее. Но, тем не менее, эти типологии отражают отдельные частные характеристики, роста, необходимо его системное описание. И вот такую системную типологию я хотел бы представить, уважаемые коллеги. Основной критерий здесь технико-экономическая основа.

[00:40:05]

И по технико-экономической основе можно выделить четыре типа экономического роста, первый тип – ранняя индустриальная основа на механизации экономики, результат первой промышленной эволюции, то есть – это экономический рост, который происходил еще в XIX веке, и преобладали здесь первый, второй технологические уклады.

Второй тип роста индустриальный, основан на электрификации экономики и является результатом второй промышленной эволюции, имевшей место в конце XIX в начале XX века. Соответственно, этому росту соответствует третий и четвертый технологические уклады. И третий тип роста, я здесь назвал бы постиндустриальным, хотя это название может быть дискуссионным и с ним можно поспорить, но этот тип роста соответствует третьей промышленной эволюции, которая проходила уже в 60-70-е годы XX века, и его техническая основа информатизация, развитие информационных технологий. Вот сейчас уже в наше время мы наблюдаем становление четвертого типа роста, он пока еще полностью не проявился и разворачивается на основе автоматизации средств производства.

И четвертая промышленная эволюция, вот Анатолий Александрович уже упоминал книгу Клауса Шваба «Четвертая промышленная эволюция», я хотел бы далее несколько подробнее сказать об этом типе роста. И продолжая эту табличку, некоторые характеристики каждого типа, качество труда для первого типа – неквалифицированный труд. Мы знаем с вами прекрасно из истории, использовался и женский, и детский труд в начале XIX века. Для индустриального роста такой труд уже не годится, требуется всеобщее образование, по крайней мере начальное, и определенная подготовка работников. Постиндустриальный – здесь происходит поляризация труда, с одной стороны высококвалифицированные работники, а с другой стороны – массовый неквалифицированный труд в сфере услуг, причем услуг не требующих высокой квалификации.

И для неоиндустриального типа роста, следуя типу логики исторического развития, потребуется именно высококвалифицированный труд, поскольку все низкоквалифицированные виды деятельности будут автоматизированы. Соответственно, можно выделить и другие критерии, в частности поляризация доходов, очень важный критерий для раннего индустриального роста, высокая поляризация. В индустриальном росте – это соответственно эпоха становления социального государства, ощущение поляризации доходов. Постиндустриальный рост – снова мы видим, растет поляризация, доходов с конца 70-х годов XX века. И для неоиндустриального роста, здесь пока еще стоит знак вопроса, будет ли усиливаться поляризация доходов, или наоборот, скажем, с отмиранием неквалифицированного труда, с его автоматизацией, снова произойдет некоторое сокращение поляризации доходов.

Нижняя строчка – страны лидеры, вот обращаю ваше внимание: индустриальный рост пришелся на становление Советского Союза, развитие советской экономики и по этому типу роста мы тоже лидировали. Будущее – я пока поставил знак вопроса, поскольку современная мировая экономика находится в довольно неустойчивом, непростом состоянии.

Итак, каковы же вызовы и возможности для неоиндустриального типа роста. Вот здесь уже делался доклад о производительности труда, и один из вопросов, который можно поставить, действительно ли происходит фиксируемые фактически снижения производительности труда или это некоторая статистическая иллюзия, связанная с тем, что обычные количественные показатели – валовая добавленная стоимость, недостаточно полно отражают все изменения в реальной экономике.

Далее, второй вопрос – будет ли это медленный рост? Некоторые говорят исследователи о длительной стагнации на уровне 2% или произойдет в дальнейшем взрыв темпов роста. Рост или сглаживание неравенства, об этом я уже сказал, и так же произойдет ли дальнейшее сегментирование рынка труда или все-таки неквалифицированный труд полностью отмирает, и мы остаемся в экономике с высокой степенью автоматизации.

[00:45:05]

Вот несколько примеров, иллюстрирующих выше приведенные тезисы, в частности, динамика производительности труда в развитых странах, по данным организации экономического сотрудничества и развития. Вы видите за последние периоды везде фактически снижение производительности труда. Но повторяю – здесь вопрос еще дискуссионный, заключается в том, а правильно ли подсчитана производительность труда, как ВВП на одного занятого, достаточно ли нам такого инструмента.

Еще один график взят из работы Бреннера «Экономика глобальной турбулентности», он показывает реальную зарплату в промышленности Соединенных Штатов и мы видим период индустриального роста – это как раз 30-е по 70-е, начало 70-х годов, реальная

зарплата резко росла, как бы ранний индустриальный рост, здесь практически нет увеличения. А вот эпоха постиндустриального роста, конец XX века, начало XXI века – здесь, наоборот происходит даже снижение реальной производительности труда. То есть вот эта поляризация доходов, так или иначе, отражается на этом графике.

И еще одна табличка взята уже из книги Клауса Шваба – наименее подверженные автоматизации профессии и наиболее подверженные. Обратите внимание, пожалуйста, посмотрите, наиболее подвержены автоматизации профессии, не требующие высокой квалификации и высокого образования.

Наконец, завершая выступление, коротко о российских особенностях. Рост экономики Советского Союза, он полностью вписывался в парадигму индустриального типа роста, но на основе планового механизма хозяйствования. С 70-х годов этот тип роста стал впадать в структурный кризис, но у нас структурный кризис перерос в системный, оттуда шоковый переход к рынку, результатом которого стала частичная доиндустриализация экономики. Он с 2000 годов с одной стороны он носил восстановительный характер за счет во многом внешних факторов, а так же загрузки имеющихся производственных мощностей в пользу не занятых.

Имелись так же элементы постиндустриального роста, скажем, сфера услуг у нас росла ускоренными темпами, информатизация происходила, но не на собственной основе, а во многом на основе импортируемой. Далее – что же дальше делать, куда нам двигаться? На мой взгляд, постиндустриальный рост поздно развивать – это как бы этап информатизации, развитые страны его прошли в 80-е годы до начала 2000-х. То есть нам необходим ускоренный переход уже к четвертому типу, к неоиндустриальному росту. И соответственно, здесь все эти проблемы, которые сопровождают неоиндустриальный рост так или иначе придется решать.

Отсюда выводы для государственной политики: необходимо усиление роли социально-ответственного государства, стимулирование совокупного спроса на основе кейнсианских рецептов, о чем много говорилось на конференции по кейнсианству, которая вчера проходила тут у нас на экономическом факультете. Такого стимулирования недостаточно, так как есть серьезное ограничение по совокупному предложению, необходимо здесь сочетание и политики спроса, и политики предложения, в частности стимулирование НИОКР, технологи шестого уклада, регулирование рынка труда.

Важнейшая задача так же – подчинение финансового сектора задачам реальной экономики, поскольку в настоящее время наблюдается такой отрыв финансового сектора от реального, и наконец проведение социальной политики, но опять же, не традиционного кейнсианского направления, как социальная поддержка населения, а скорее форма адаптации населения трудовых ресурсов последствием четвертой промышленной революции.

Последнее, что хочу показать, как мы бы могли расти – это верхний тренд при сохранении среднегодового темпа 2,5%, это средний темп предшествующего десятилетия, и как мы фактически двигались, начиная с 1991 года. Вы видите, уважаемые слушатели, что разрыв нарастает, при всех условностях темпов, всегда есть некоторые условности на длительных интервалах времени, но, тем не менее, такой разрыв нарастает и нам сейчас нужно ускорено переходить, внедрять достижения четвертой промышленной эволюции, если мы не хотим окончательно перейти в категорию слабо развитых стран. Спасибо за внимание.

[00:50:09]

Александр Пороховский: Спасибо, Иван Михайлович. Согласны ли вы с его последним выводом – дальнейшая потеря исторического времени недопустима? Согласны...

Из зала: Я консультант, работаю в сфере цифровой экономики, по сути, в основных предприятиях. Вопрос такой, вы сказали, что основными драйверами перехода к четвертой индустриальной революции (нрзб) (00:55:11)

Иван Теняков: НИОКР финансирование шестого экономического уклада, внедрение вот этих новых технологий, соответствующих шестому укладу. Понятно, что нам нельзя как бы перескочить этап информатизации, нам одновременно надо завершать информатизацию, а потом переходить к автоматизации.

Из зала: Какой вопрос я хочу напрямую задать. Я со всем этим согласен, но что бы добавил: недавно буквально, месяца полтора назад (нрзб) (00:52:05) один из руководителей наших телевещательных каналов говорил, вот мы, обращая внимание на людей, которые старше 45 лет, и – второе – тех, которым еще нет 15, а вот здесь получается с 15 до 30 пробел. И когда ему задали вопрос почему на них не обращают внимания, он говорит – этот кусок, он выпадет, не будут этим заниматься.

Вопрос – как вы считаете, что нужно сделать для того, чтобы правильно и качественно перевести людей на новые рельсы, потому что увольняют и банкоматы и роботы меняют людей, поверьте, мы все там будем рано или поздно, кому-то повезло, уйдут на пенсию, кто-то не уйдет – это первое. И второе, что делать тем, которые вообще никуда не попадают? То есть два вопроса: как правильно перейти, перевести людей на новые рельсы какими способами, методами на ваш взгляд? И второе, что делать с людьми?

Иван Теняков: Спасибо за вопросы. Отвечаю на первый вопрос – здесь ключевое значение имеет политика образования и науки. Соответственно, нужно разработать такую концепцию образования, которая изначально позволяла бы настраивать людей на работу в новых условиях. К сожалению, существующая политика в области образования на мой взгляд, не до конца отвечает этой цели, а в отдельных случаях идет и вообще в противовес ей.

Что касается второй категории, которая уже не вписывается – на эту тему я сделал небольшую реплику, то есть политика государства по поддержке населения, которое не адаптируется еще или не может адаптироваться к четвертому укладу, то есть вот эта социальная политика никуда не исчезает, она должна сохраняться. Так или иначе, у нас всегда будет какая-то категория населения, которая уже не сможет в силу возраста или здоровья адаптироваться, но для этого нужно социальное государство, у нас по Конституции Россия социальное государство, соответственно, эту функцию оно должно выполнять.

Александр Пороховский: Я могу подключиться к ответу на эти вопросы и как бы дополнить Ивана Михайловича по поводу образования, потому что всегда сфера образования, она работала на будущее, она никогда не работала на прошлое. Она работала на воспитание человека, с точки зрения восприятия новшеств, если человек настроен и понимает, что даже будучи слесарем он должен осваивать новые материалы, которыми пользоваться, новое оборудование, и сам по себе физический труд, он сильно меняется.

[00:55:11]

Вы сейчас знаете, что к вам приходит техник и он отверткой не закручивает, а сразу подключает шуруповерт, и шуруповертом хлоп и закручивает, так же и откручивает, уже отверткой мало кто работает, но во всяком случае те, которые уже освоили вот эти простые вещи помощи и так далее. Точно так же это связано с обслуживанием автомобилей, теперь уже вы знаете – вы не откроете капот и не покрутите там и поедете, а вам нужно вызывать техпомощь, потому что эти машины не терпят вмешательства. Вот видите, казалось бы механик, а он совсем другой механик и он должен быть подготовлен.

Поэтому, безусловно, как сказал Иван Михайлович, я с ним солидарен в том плане, что система образования должна идти впереди и отвечать запросам. А вы знаете, что в нашей стране мы потеряли средний уровень образования, что называется техникумы, которые готовили специалистов, и когда начала возрождаться промышленность, то оказалось, что нет людей, некому работать. И парадокс – много безработных, а работать некому, вот в чем парадокс, работать некому и на старых станках, и на новых. И получается, куда же кто, и куда кто смотрел, разве бизнес смотрит на подготовку кадров?

Бизнес надеется получить, бизнес смотрит на подготовку кадров тогда, когда крупная компания, они создают свои университеты, свои училища и готовят себе кадры. Мне довелось бывать во многих зарубежных компаниях, и крупные все компании имеют подготовку в корпоративных образовательных центрах, они сами готовят с учетом того, что эти люди будут работать у себя, потому что можно открыть бизнес, некому работать и все, все встало. Вот почему вы правы.

Что касается угрозы роботизации – действительно, здесь важно учитывать, я не случайно вступительном слове сказал о том, что большую роль играет сфера услуг. Сфера услуг, которую рассчитывали, что она будет поглощать много занятых и сглаживать кризис, но выяснилось, что сфера услуг ведь работает на население, которое может заплатить за услуги. И если население не получает доходы, то сфера услуг тоже падает, она не амортизирует кризис, а наоборот – усиливает социальный эффект. Это о чем говорит? Это говорит о том, что те, кто рассчитывал, что сфера услуг сама по себе решит все проблемы – это люди по меньшей мере не очень хорошо подготовлены и относились к экономике частично, а не системно, о чем здесь в первом выступлении говорила Виктория Сергеевна, что только системный подход к определению системного развития экономики, с учетом влияния всех факторов на производительность может показать, какие отрасли нам нужно развивать, потому что понятное дело, что все сразу отрасли мы не поднимем. Мы не поднимем сразу все отрасли, значит нужно найти то ключевое звено, потянув за которое, мы вытянем всю цепочку.

А может это сделать любой бизнес? Наверное, может, если он крупный, если у него есть резервы, но пока у нас получилась диспропорция. Вот Иван Михайлович, как вы заметили, может быть кто-то не обратил внимание, он же говорил о накопленных диспропорциях. А накопленные диспропорции заключаются в следующем: у нас отдельно быстро развивается финансовый сектор, хотя несмотря на то, как вы знаете, много банков, за последнее время, скажем, когда Набиуллина стала председателем ЦБ, то было закрыто 335 банков. 335 – вы представляете, для другой страны это может быть было бы вообще закрытием всей финансовой системы, но при этом эти 335 банков, только за этот год государство понесло потери на 100 миллиардов рублей. То есть оказалось, что в закрытых этих банках частично, повторяю, только за этот год, находилось ресурсов государственных 100 миллиардов и эти банки были закрыты, в том числе потеряли не только вкладчики обычные физические и юридические лица, но и само государство.

Возникает вопрос – как это получилось, извините, с кого спросить, кто писал такие законы, кто писал такие нормативные акты, кто так разбрасывает деньги, как будто разливает воду из стакана, так же не может быть.

[01:00:10]

Важно, чтобы все эти вещи были учтены. Мы, поэтому, считаем, что системный подход, то есть, учет всех обстоятельств, всех взаимосвязей, позволит двинуться дальше. Спасибо большое.

Тогда сейчас я бы хотел спросить, из присутствующих, кто хотел бы предложить свои варианты анализа? Мы как сделаем, вот я Олега Олеговича Комолова вижу, пожалуйста, и потом дальше. Олег Олегович Комолов работает у нас в институте экономики и в других местах. Он имеет большой опыт общения с аудиторией. Пожалуйста, Олег Олегович.

Олег Комолов: Добрый день, уважаемые коллеги. Зовут меня Олег Комолов – представляю институт экономики РАН. И сегодня я хотел бы привлечь ваше внимание к проблематике оттока капитала из российской экономики. Эта проблема представляет собой достаточно устойчивое явление для нашей хозяйственной системы, такой имманентной чертой для России. И глубину, и остроту этой проблемы признают не только научные работники, но и, конечно, представители российской власти, потому что очевидно проблема зашла слишком далеко. Я предлагаю некоторую статистику, конечно, наверняка, вы не увидите здесь ничего нового, цифры известные, просто для систематизации.

Данные по чистому оттоку капитала из российской экономики, в течение 20 лет наблюдалась эта тенденция, за исключением двух лет 2006-2007 года, когда в преддверии кризиса спекулятивный капитал, который уже не помещался на рынках стран центра мирового капитализма, хлынул и на периферию. Но 2008 год все вернул на круги своя и с тех пор отток капитала с нашей страны только вырос.

Куда утекает российский капитал? Опять же не открою Америку, если скажу, что это оффшоры, около 70% чистых инвестиций приходятся на оффшорные зоны. Обратите внимание, что приблизительно это доля не изменялась с течением времени. Все это, конечно, приводит к негативным последствиям для российской экономики, поскольку лишает ее источника для внутреннего развития, для внутренних инвестиций, для обновления изношенных производственных фондов, для реальной модернизации, о чем говорят уже все в открытую. В общем-то в этом и признается российская власть, поскольку неоднократно уже поднимала вопрос о необходимости деоффшоризации российской экономики.

Однако для того, чтобы бороться с проблемой оффшоризации и вывоза капитала, необходимо понять природу этой проблемы. В отечественной научной литературе проблема бегства капитала обычно рассматривается с той точки зрения, что исследователи пытаются выяснить такие мотивы, которые толкают частный сектор к вывозу капитала за рубеж. Обычно о чем говорят? О том, что в России экономическая нестабильность, инфляция, коррупция, не гарантировано право частной собственности, высокие налоги и, дескать, наш капитал вытекает за рубеж. Отчасти это действительно правда, в общем, здесь не поспоришь, все в той или иной степени справедливо. Однако, мне представляется, что проблема кроется в другом. Отток капитала, на мой взгляд, является не столько проблемой, сколько необходимой чертой, такой неотъемлемой чертой периферийной экономики, которая обеспечивает ее устойчивое существование.

Как известно, в рамках мер системного подхода Россию относят или к периферийной или к полу периферийной системе, которая находится в отношениях не эквивалентного обмена со странами, центра мирового капитализма с Западной Европой и Северной Америкой. Так вот, в рамках этого не эквивалентного обмена для того, чтобы успешно

продавать свои товары за рубеж странам центра, многим государствам периферии, большинству приходится искусственно занижать курс своих национальных валют относительно доллара и евро.

[01:05:00]

Это, как известно, снижает цену товара в долларах и делает экспорт страны более конкурентоспособным. Степень искусственной заниженности или недооцененности курса национальной валюты, как известно, можно измерить по такому механизму, как паритет покупательной способности. Вот в целом, как показано на данной диаграмме наблюдается прямая зависимость между уровнем развития экономики и степенью недооцененности ее валютного курса. Здесь точками представлены разные страны, по осям у нас отложено ВВП на душу населения и недооцененность курса национальной валюты по паритету покупательной способности, в данном случае, относительно евро. Россия вот эта красная точка просто вам для ориентира. То есть прослеживается зависимость, чем беднее страна, чем более она отсталая, тем сильнее ее курс национальной валюты занижен относительно валют стран центра.

Собственно, вот данные по России за последние лет 15, в приблизительно вот в таких коридорах от минус 40 до 70% находился вот этот показатель недооцененности курса рубля к доллару, сегодня порядка 75% по данным журнала The Economist. И на мой взгляд, задачи поддержания вот этого самого заниженного курса, выгодного российским сырьевым экспортерам, олигархам нашим нефтяным, и была фактически подчинена российская финансовая система и вся вообще экономическая политика. И в этих условиях вывоз капитала из страны является не столько даже проблемой, наоборот, тем фактором, который помогает российскому правительству добиваться вот этой цели.

Логика здесь следующая: с начала 2000 годов по мере удорожания нефти росло положительное сальдо торгового баланса России, нефтедоллары в нашу страну текли рекой, как известно. И вместе с этим приток нефтедолларов создавал давление на курс российской валюты, подталкивая ее в сторону укрепления, что, конечно, нельзя было допустить российскому правительству, исходя из логики, которую я изложил выше. И именно для этого государство предпринимало ряд мер, чтобы не допустить укрепление рубля.

Что для этого нужно сделать? Фактически исходя из простых соотношений спроса и предложения на валютном рынке нужно выводить из страны национальную валюту, чтобы поддерживать заниженный курс своей национальной валюты. Каким же образом делало это государство? Обратите внимание на синюю линию, она показывает динамику выплаты государственного долга российским правительством. Как раз начиная с конца 90-х, так и начала 2000-х, внешний долг российское правительство стремительно погашало, естественно, погашало в долларах, этим самым доллары активно со страны выводило – это первое.

Второе – красная линия показывает динамику прироста валютных резервов Центрального банка. Фактически это тоже вывод долларов из экономики, потому что Центральный банк скупает на валютном рынке валюту за счет эмиссии рублей, откладывает их в запасники или покупает на них облигации других государств, в частности отправляя их назад в США, откуда они к нам и пришли.

И обратите внимание, очень интересный факт: в то время, когда российский капитал, желтенькие полосочки, перестал выводить доллары и вообще валюту за рубеж, за него это стало делать государство, потому что именно на 2006-2007 год приходится всплеск такого показателя как прирост валютных резервов Центрального банка. И, соответственно, в рамках этой логики, если капитал не вывозит частный сектор, его начинает вывозить государство. Таким образом российская экономика, на мой взгляд, находится в такой ловушке – ловушке периферийности. С одной стороны, активный вывоз капитала из страны, лишает ее источников для реальной модернизации, для внутренних инвестиций. С другой стороны, попытка сохранить эту валютную выручку внутри страны, ставит под угрозу российских сырьевых олигархов, чего, конечно, правящий класс допустить никак не может

Как известно, изменение валютного курса не делает страну богаче или беднее – это лишь инструмент перераспределения. Так вот, в нашей ситуации перераспределение происходит следующим образом: сырьевые экспортеры купаются в рублевой наличности, вывозят доллары в офшоры, обеспечивают себе и своему окружению безбедное существование, пользуясь благоприятным валютным курсом, в то время как импортеры, реальный сектор экономики, сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность, вынуждены закупать импортные товары по завышенным ценам, то же касается и нас, для нас, понижение курса рубля, все зарубежные товары стали вдвое дороже. Отсюда снижается покупательная способность населения, растет инфляция и страна лишается источников для долгосрочного развития. Спасибо.

[01:10:00]

Александр Пороховский: Пожалуйста, ваш вопрос.

Из зала: Вы говорите, государство, государство заинтересовано в этом, в том – что вы под этим понимаете?

Олег Комолов: Что вам дать определение государства?

Из зала: Что государство вынуждено вывозить капиталы из страны.

Олег Комолов: Я в данном случае под понятием «государство» следую по стопам классиков марксизма, которые определяли, что государство – это инструмент...

Из зала: Государство само по себе может принять решение о вывозе капитала или нет или там все-таки конкретные люди?

Александр Пороховский: Что конкретно вы имели в виду под термином «государство» – это были конкретные физические лица, компании, премьер-министр, кто еще?

Олег Комолов: Под государством я понимаю в данном случае правительство и Центральный банк, обратите внимание, они у меня представлены на диаграмме, Центральный банк выводит доллары из страны, правительство выводит.

Александр Пороховский: Вы знаете, что персонально Набиуллина не принимает решение, есть совет Центрального банка, который принимает решения, поэтому у нас везде коллективная демократия.

Из зала: Но это же не государство?

Александр Пороховский: Почему? Центральный банк и является государственным органом напрямую, но председатель Центрального банка утверждается кем, Думой по предложению, кого?

Олег Комолов: Президента, но там рука руку моет, неужели вы думаете, что Центральный банк это независимая структура?

Из зала: Но тогда не надо говорить государство.

Олег Комолов: Но фактически оно и есть.

Александр Пороховский: Минуточку, вы против чего здесь?

Из зала: Против того, что получается, что государство заинтересовано, чтобы народ нищал.

Олег Комолов: Нет, оно заинтересовано в обогащении олигархата, а остальное – это уже частность.

Александр Пороховский: Вас упрекнули, что не надо размазывать ответственность.

Олег Комолов: Хорошо.

Из зала: Я если правильно понял, то оценка рубля должна быть такая же 20-25 рублей.

Олег Комолов: Около того.

Из зала: А что будет с нашим хозяйством и промышленностью в этой ситуации, как вы считаете?

Олег Комолов: Я скажу следующее...

Александр Пороховский: Вы знаете, что тогда сельское хозяйство выступает за то, чтобы рубль был дешевле.

Олег Комолов: Но здесь вопрос такой дискуссионный, потому что сегодня мы по факту находимся в состоянии, когда многие возможности уже упущены. И сегодня, конечно, самая простая протекционистская мера – это снизить курс валюты. Но не стоит забывать, что все эти годы мы находились в условиях сокращения объемов реального производства в обрабатывающей промышленности. Если мы посмотрим на сельскохозяйственное производство – там просто колоссальная доля импорта, импортные удобрения, импортная техника, сельскохозяйственные машины, все сплошь импорт, естественно, удорожание этих элементов приводит к повышению цен, что мы с вами и наблюдали, тут эмпирически все очень легко прослеживается.

На мой взгляд, решение тут не кроется в области того, повысить курс валюты или понизить, здесь нужна смена системы в целом. Я вот не согласен с многими коллегами, которые полагают: а давайте вернем накопления с США и вложим в нашу промышленность, и заживем. Это не решение проблемы, невозможно заменить элемент системы, сохранив всю систему в целом неизменной, проблема в нашей периферийности, в нашей зависимости. И, на мой взгляд, реформы здесь должны лежать не столько в экономической, сколько в политической плоскости, но это уже проблема другой дискуссии.

Александр Пороховский: Вы считаете, что курс рубля – это все производное?

Олег Комолов: Да.

Александр Пороховский: Производное, хорошо.

Из зала: Скажите, пожалуйста, вот такой курс рубля при выводе капитала рубль падает, а инфляция?

Александр Пороховский: Что делается с инфляцией?

Олег Комолов: Здесь все очень просто, вот что интересно, для того, чтобы выводить доллары из страны, Центральный банк должен их купить на валютном рынке и отправить их в Соединенные Штаты. Как купить доллары? Нужно эмитировать рубли, что и делает Центральный банк. Но ведь вопрос в том, что действительно, чем больше в страну приходило долларов, тем больше приходилось имитировать рублей, но это не я, это зависимость, это обнаружено. Так вот, для того, чтобы не допустить высокой инфляции в этих условиях, необходимо создать такие предпосылки, чтобы эта имитированная валюта не шла в экономику.

Именно поэтому мы наблюдаем высочайшую ставку процента, которую устанавливает Центральный банк, отсутствие возможности для реального сектора взять кредит, то есть фактически Центральный банк создает национальную валюту для валютного рынка и при этом мешает, не позволяет ей попасть в реальный сектор, иначе инфляция взлетит до невероятных масштабов.

Александр Пороховский: Мы сами знаем, что главную задачу, которая объявилась сейчас, немножко сделать примечание, построчное замечание – Центральный банк, как вы знаете, своей главной задачей поставил, что: таргетирование инфляции, а таргетирование инфляции – это их главная задача. Отсюда вот эти ставки, и отсюда отсутствие инвестиций.

Олег Комолов: То есть, они сами создают предпосылки к инфляции и борются с ней одновременно.

[01:15:12]

Из зала: (нрзб) по идее, что инфляция должна выскочить или она опять будет сжиматься?

Александр Пороховский: Дело заключается в следующем, что уровень инфляции напрямую не зависит от ставки процента, не зависит, инфляция имеет много факторов. Они свели все, что инфляция зависит от денежной массы и ставки процентной – все, вот у них два фактора. А это не системный подход, это чисто такой банкирский подход и больше ничего, для экономики это не годится, но получается, кого-то это очень поддерживает. Пожалуйста, ваш вопрос.

Из зала: С вашего сообщения следует, если это политическое решение, власть обескровливает российскую экономику, значит это по существу действует эта власть во вред развития экономики, так получается.

Олег Комолов: Так точно, вы хорошо резюмировали мое сообщение, ровно это я и хотел донести до аудитории.

Александр Пороховский: Спасибо.

Из зала: Как известно, Россия имеет устойчивый профицит торгового баланса. По вашей теории вывозить валюту нельзя, что с ней тогда делать (нрзб) получает Россия 200 миллиардов (нрзб)

Олег Комолов: Понятно, согласитесь, с точки зрения здравого смысла у нас есть куда потратить эти деньги. Россия, я так не берусь давать точную оценку, по разным экспертным данным, заработала за полтора десятилетия несколько триллионов долларов. Эти деньги можно было бы потратить на реальную модернизацию экономики, по примеру недавнего прошлого 30-х годов прошлого века, когда западные страны помогли нам с индустриализацией.

Александр Пороховский: Тогда было такое событие, тогда был мировой экономический кризис 29-33-х годов, для Советского Союза это оказалось очень хорошо, потому что некуда было девать товары и они пошли в Советский Союз. Конечно, Советский Союз их получал не бесплатно, он их покупал за золото и все остальное. Но, тем не менее, это для Советского Союза тогда сложилась благоприятная экономическая конъюнктура на мировом рынке. И американцы, и Европа, особенно американцы, вы же знаете,

Сталинградский тракторный завод, я могу перечислить, комбайновый Ростовский и другие, во многом были построены первоначально благодаря приходу западного капитала и даже западных инженеров и рабочих. Некоторые из них там еще живут и их потомки, кое-кто не поехал назад, а остался в нашей стране. Есть еще вопросы? Пожалуйста, слушаем вас.

Из зала: Многие экономисты правого толка объясняют ставку американского Центробанка необходимостью борьбы с голландской болезнью, в принципе какая-то логика в этом есть.

Александр Пороховский: Какая?

Из зала: Они поддерживают курс рубля на относительно низком уровне, что позволяет нашей промышленности развиваться, если бы был курс 25 рублей, то наша промышленность вообще не развивалась.

Александр Пороховский: Результат развития промышленности какой?

Из зала: Но если был бы курс сейчас 25, то ее вообще бы не было, то есть голландская болезнь, она есть и продолжает...

Александр Пороховский: Фактически вы поддерживаете голландскую болезнь?

Из зала: Нет, я наоборот, я спрашиваю – есть другие инструменты более эффективные для борьбы с голландской болезнью?

Олег Комолов: На мой взгляд, я хочу отметить, дело не в том, какой установлен курс, высокий или низкий, проблема в системе в целом, еще раз отмечу, нельзя изменить один элемент системы, оставив ее в целом не тронутой. Россия заняла место периферии мировой экономики и отсюда она испытывает те же проблемы, как и многие другие периферийные страны, фактически находясь с центром в отношениях не эквивалентного обмена, мы им отдаем больше, чем от них получаем. Сегодня буквально выступал на пленарном заседании товарищ из Китая, который расхваливал китайскую экономику, говоря о том, какие она показывает темпы экономического роста. Но какой ценой это досталось Китаю? Китайский рабочий трудится на правах скотины, без пенсий, с копеечными зарплатами, и что это дает? Реальное там ВВП на душу населения до сих пор ниже, чем в России, при этом...

[01:20:02]

Александр Пороховский: Население какое в Китае...

Олег Комолов: Что народу, что это дает рабочим, которые уже десятки лет трудятся, на правах рабов. Нам не снилась такая работа, как у китайцев.

Александр Пороховский: Не будем осуждать китайских рабочих.

Олег Комолов: Нет, просто речь идет о том, что мы находимся в зависимом положении. И из этого зависимого положения нужно выходить, тогда и система сложится иным образом, а реформировать ее частично, на мой взгляд, совершенно бессмысленно.

Александр Пороховский: Есть проблема системы, и есть проблема системного подхода к решению проблемы, Олег Олегович ставит вопрос – надо менять систему. Я призываю использовать системный подход к решению проблемы. Пожалуйста, ваш вопрос.

Из зала: Вопрос следующий, как из периферии превратиться в центр?

Олег Комолов: В этом году мы отмечаем столетие великой Октябрьской Социалистической революции, будет такой мой ответ.

Александр Пороховский: Пожалуйста, еще вопросы.

Из зала: (нрзб) (01:21:20) в этой системе действия регулятора и курс других акторов (нрзб), а как вы рассматриваете интересы игроков на микроуровне? (нрзб) бегство капитала российского, предпринимательства покинуть эту не слишком теплую и неуютную страну (нрзб) Сначала красные директора, потом не очень красные (нрзб)

Олег Комолов: Естественно, я же в самом начале отметил, что в научной литературе выделены в основном такие причины мотивы вывоза капитала из страны частным сектором – это нестабильность, инфляция, желание уйти от налогов, это во многом компрадорский характер крупного бизнеса. Все это действительно есть. Просто вопрос как оценивают это явление с позиции государственной экономической политики – хорошо это или плохо. И когда очередной чиновник заявляет нам о том, что вывоз капитала – это большая проблема и надо с этим бороться, на мой взгляд, он лукавит. На самом деле они сами занимаются тем же самым.

Александр Пороховский: Спасибо. Я хотел бы тоже маленькую вставить реплику по поводу данного вопроса, который поступил. Дело заключается в следующем: если мы развиваем капитализм, погружитесь в капитализм, не погружайтесь в нечто среднее – социализм, капитализм и между ними что-то непонятное. А вот мы строим капитализм, все согласны? Следуем дальше по логике этого строительства. В основе строительства капитализма движущей силой является капитал, а что такое капитал? Он движется туда, где ему выгодно, и если государство не учитывает свойства капитала двигаться туда, куда ему выгодно, то будет все так, как есть, потому что все бежит туда, где ему выгодно.

Вы посмотрите, когда был кризис в России 2008 года, сколько выделили в банковскую систему денег, и куда они пошли? Банки закупили валюту на те рубли, которые получили из государственной казны. А когда у банкиров спросили: что же вы делаете, а где же инвестиции в экономику? Так там прибыли меньше. И потом государство говорит: ну это же банкиры поступили в соответствии со своими интересами. Получается, понимаете, в чем дело: они поступили с интересами того капитала, который они персонифицировали,

они выражают интересы, иначе они не банкиры, это их такое свойство, они поэтому так и поступают.

Следовательно, если мы строим капитализм, то надо быть и понимать эти законы, а не строить иллюзии, говорить людям одно, делать другое, а движется вообще по третьему – вот в чем проблема. Соответственно, мы должны так и понимать, что если это капитал, то он делает так, как делает капитал, он не делает как какой-то социальный работник. Но другое дело, что государство располагает самыми крупными средствами, ни одна наша компания не имеет таких средств, какие государство.

[01:25:18]

Из зала: (нрзб)

Александр Пороховский: Молодец. Я вам говорю о самых глубоких основах капитала, а есть Бабкин, есть Петров, есть Фридрих Энгельс, который помогал Марксу издавать «Капитал». Если вы хотите про Бабкина, я вам скажу про историю. И «Капитал» Маркса тоже издавали капиталисты, и революцию 1917 года, были такие капиталисты, которые поддерживали. Поэтому у нас масса есть... зависит все от людей, от нас с вами. Есть еще вопросы к Олегу Олеговичу? Спасибо.

Дорогие коллеги, к нам пришел на наше заседание главный редактор журнала Science Of Society – «Наука общества», доктор наук Лайбман. У него презентация на русском, а комментировать он будет на английском. Я думаю, что по презентации все будет понятно.

Дэвид Лайбман: Те из вас, кто знает язык, поняли, что ему приятно быть среди нас, во-вторых, ему очень понравилась предшествующая дискуссия, предшествующий выступающий, а особенно если взгляды выражаются по-марксистски.

Он посетил немало заседаний на нашем форуме и в других местах, и увидел, что в основном идет дискуссия о том, делится на два подхода. Первый подход – это использование рыночных сил на полную катушку.

[01:30:00]

И второй подход это активировать роль государства в экономике и таким образом сочетать регулирующую роль государства и рынка.

В западной экономической науке обычно считается, что эта позиция свободного рынка – в основном, это теоретический подход, не столько практический. Если реально посмотреть на реальное развитие, то выясняется, что монетаристский подход на самом деле не работает в полной мере, он является в основном теоретическим взглядом на развитие экономики, но он является частью процесса, но не поглощает весь процесс.

Речь идет о том, что бывает позиция теоретическая и использования реальных фактов, и важно выяснить – кто больше теряет: тот, кто опирается на факты или тот, кто опирается только на теорию. Обычно классический макроэкономический подход исходит из того, что государство всегда неэффективно, что государство это бяка, оно всегда вмешивается и делает гадости. Но он относится к критической макроэкономической теории и он так не считает, то есть он считает, что государство может быть хорошим.

Это график классической теории: если спрос растет, то кривая сдвигается вправо. Здесь более сложный график, и он показывает, как спрос и предложение пересекаются. Растет цена, если не совпадает спрос и предложение, то цена возрастает. Это запись для краткосрочного периода теории предложения. Этой буквой обозначена стратегическая величина выпуска. Вы знаете, что марксистский подход заключается в следующем: на рынке встречаются классы работников и предпринимателей, что в макроэкономической теории вообще не учитывается. Поэтому я здесь написал (нрзб).

[01:35:00]

Вы помните, что он сказал, что он принадлежит к новой классической экономической теории. Вот написано – новое классическое расширение спроса. И график показывает, как меняется цена, причем этот спрос включает и государственный. То есть влияние государства на спрос с тем, чтобы влиять на оценку. То есть рыночное влияние оценки государства, не административное.

Вообще надо сказать, что в Англии вот это марксистское направление экономического развития получило развитие, и в данном случае в Кембриджском университете. И поэтому некоторые издания Кембриджского университета печатают так называемый неортодоксальный экономикс.

[01:40:00]

Мы поняли, что он сам тоже учился по учебникам, которые сейчас тоже используются, но на самом деле на практике происходит по-другому. Это график рынка труда и занятости. Он говорит (нрзб) (01:41:05) изменения в зависимости от значения спроса на рынке труда. Он говорит о том, что зависит от соотношения, меняется уровень заработной платы, который влияет на занятость, то есть на предложение рынка труда, и наоборот.

Он говорит, что он меняет предпосылки и показывает, как влияют эти предпосылки на рынок в краткосрочном периоде. Это с одной стороны нижняя позиция Кейнса. Он говорит о том, что как в зависимости от соотношения предложения меняются цены, предложения работников, что влияет на заработную плату, а заработная плата влияет на цену. Такая комбинация.

Уровень цен определяет то, насколько становится слабее или сильнее предложение труда. Если мы видим возрастание совокупного спроса, такое поведение может привести

к тому, что может возникнуть идея забастовки, поскольку падает цена рабочей силы и соответственно падает заработная плата.

[01:45:05]

И отсюда складываются все эти социальные выплаты поддержки работников. И он показывает эту линию, которая является результатом изменения соотношения роста ВВП или выпуска и падения доли работников. По его мнению это принципиальное различие между классической моделью и новой классической моделью. По его модели у него эта параллельная линия, которая параллельна оси, вот она фиксирует то, что он сейчас рассказывает.

И он говорит о том, что модель, которая 80 лет как была опубликована книга, а 70 лет, как идут дискуссии по поводу этой модели кейнсианской, и по поводу графика кривых, которые есть на графике. Но его позиция заключается в том, что он не хочет вернуть макроэкономическую теорию назад, которая была изначально, а хочет показать ее будущее.

Он говорит, что как минимум мы сейчас имеем комбинацию двух макроэкономических моделей, которые дают эффективный результат. Получает таким образом, что ослабление позиции работников ведет к росту эксплуатации, а рост эксплуатации предполагает, что правительство должно отреагировать на это событие.

Теперь главные выводы. Мы возвращаемся к идее, которая была опубликована в советское время в этой стране – теория регулирования капитализма. Он не помнит автора, но идея была опубликована в издательстве «Прогресс», которое печатало, как правило, переводные книги – с русского на английский и зарубежных на русский. Эта книга была посвящена полемике вокруг кейнсианских позиций, но она не опиралась и не предлагала никакую модель, в том числе, новую критическую модель, которую он предлагает.

Он начал с того, что говорил о том, что он, конечно, считает себя оригинальным, и теперь таким образом в конце концов он приходит к тому выводу, что эти упреки в сторону государства, что оно неэффективно и что оно плохое – это неточная оценки роли государства в экономике.

[01:50:36]

Он представлял эту презентацию в США и опубликовал в журнале, и нет никаких откликов.

Александр Пороховский: Спасибо за презентацию. Я хотел бы (нрзб) (01:51:33)
Представьтесь, пожалуйста.

Сергей Дубовский: Меня зовут Дубовский Сергей Василевич, я работаю в институте системного анализа Российской академии наук. Моя презентация называется «От

глобализации к развитию в интересах населения». Прежде всего, я хочу перечислить тех, кто получил хороший успех глобализации. Это, прежде всего, транснациональные корпорации, которые перевели производство и технологии, и инвестиции в Азию, прежде всего в Китай, и получили рекордную прибыль. Вторым субъектом, который получил успех от этого – китайское чудо. Сегодня на пленарном заседании говорили о китайском чуде, но не говорили, что это симбиоз США. Из чего это чудо совершилось: из технологий, рабочих мест с американскими и западными технологиями, которые просто были перевезены в Китай.

Кто потерял на этом? На этом потеряло, прежде всего, общество, социум развитых стран, и первый сигнал о социальном дискомфорте нам подал англосаксонский мир, когда проголосовали за выход из Евросоюза и за Дональда Трампа в США. Эти проблемы на самом деле стоят и здесь, у нас. А что у нас случилось в России в связи с глобализацией? Здесь у нас имеется, сегодня этот термин уже употреблялся – периферийный капитализм.

[01:55:02]

Чтобы в общем представлять его, нужно помнить распределение ВВП в Российской Федерации: прибыль 40%, на самом деле больше, до 46% доходит; оплата труда 40%, на самом деле меньше, может опуститься до 30%; налоги 20%. Если прибыль 40%, а накопление капитала 20%, то куда деваются 20% – конечно, они вывозятся. То есть половина прибыли вывозится, это свойство периферийного капитализма.

По головам если считать, что НИОКР уменьшились в три раза, нет обновления технологий, значит нет роста. Для того, чтобы экономика росла, развивалась, нужно по крайней мере иметь в два раза больше инвестиций, чтобы отношение инвестиций к производственным фондам было на уровне хотя бы советском. Тогда это было 14-15%, сейчас выше 7% не поднималось. Таким образом рабочие места не обновлялись. И одновременно НИОКР уменьшились, то есть предложение инновационной эффективности уменьшилось.

Второй фактор, который здесь действует – когда США и Китай совместно разогнали мировую экономику до 3,5% роста, предложение превосходило спрос, спрос на нефть рос быстрее, чем предложение, только что нам графики спроса и предложения показывали, и цена росла. Цена нефти Brent выросла в 7-10 раз для разных сортов по-разному. И вы видите, что кроме транснациональных корпораций и кроме Китая, который получил экономическое чудо просто от воспроизведения американских технологий у себя, всяких – и швейцарский тоже; золотой дождь нефтедолларов обрушился на экспортеров нефти с 2000 до 2008 года. В 2008 году случился кризис, который связан с Кондратьевскими циклами, об это позже.

После этого наступило временное равновесие, цены на 110 долларов за баррель были, и потом падение. Падение, потому что наступил некий спад и в экономическом росте. Спрос на нефть не так быстро растет, как рос раньше. То, что все российские

макропоказатели зависят от мирового рынка нефти, здесь показывает регрессию – российский ВВП здесь как регрессия от цен на нефть. И больше никаких факторов, прекрасная регрессия с прекрасными статистическими показателями.

Другое посмотрим давайте. Темпы роста здесь они связаны с ценой на нефть и с занятостью, и немного капитал влияет. Вы видите то же самое – цены на нефть определяют темпы роста. Обменный курс рубля, рубль за доллар, тоже является функцией цены на нефть и ставки Центрального банка. Таким образом вы видите, что все макропоказатели, и для инвестиций то же самое можно показать, связывают нас с мировым рынком нефти и мы исключительно от него зависим.

Следующий фактор, который работает – это циклы Кондратьева, которые можно изобразить этими орбитами, которые в координатах крутятся Y по оси ординат на отдаче, X по оси абсцисс – эффективность инноваций. Вы видите, что четыре раза за один цикл меняется технико-экологическая ситуация. И если экономика ориентирована на тренд, то она в этот момент теряет ориентацию, и те, кто не приспособились к новой ситуации, все из решения являются ошибочными. И так происходит кризис.

[02:00:14]

Эти кризисы можно нарисовать в таблице: черный шрифт это даты исторических кризисов, которые случились в 1997 и 2008 году, зеленые даты – это те, которые я публиковал прогнозы в 1993 году. Они сбылись довольно удачно. Поэтому я публикую следующие прогнозы. Ближайший прогноз: кризис 2018-2020 года. И потом нижняя строка это прогнозы на будущее. Таким образом, ближайший прогноз 2018-2020 год, ждать довольно быстро можно и он будет иметь место.

Выводы. Нужно сохранить рыночную систему, конечно, но избавиться от периферийного капитализма и реанимировать НИОКР. Второе – есть шанс на новый подъем цен на нефть. Поскольку мы находимся в правой части, где четвертая группа кризисов – в этот момент поднимается фондоотдача, таким образом мировая экономика должна расти. Она и сейчас подрастает слегка, мы очень удивляемся, ожидали, что цена на нефть будет падать, она потихоньку все-таки подрастает. Поэтому шанс какой-то есть.

Содержание кризисов четвертой группы, которые нам предстоят. В 1957 году был мировой кризис, крах фондового рынка, Крымская война, отмена крепостного права в России. 1907 год – мировой кризис, крах фондового рынка, русско-японская война, революция и реформы в России. 1968 год – молодежные протестные движения, красные бригады, социальный дискомфорт на фоне экономического роста. Причем экономический рост был, тем не менее, социальный дискомфорт оказался большим. И последнее: 2018-2020 годы, что прогнозируется – социальный дискомфорт на фоне экономического роста, противостояние центра и периферии, противостояние аборигенов и мигрантов, «малые» войны, социальные и криминальные потрясения. Вот как смотрится это из уравнения.

Александр Пороховский: Спасибо большое. Дорогие коллеги, у нас сейчас есть еще 7 заявок, у нас осталось работать еще прилично – полтора часа. Я думаю, что не больше, чем по 10 минут. Заслуженный профессор Московского университета Кульков Виктор Михайлович говорит, что умную мысль можно изложить и за 5 минут, а все остальное это уже будет рассуждения. Тогда давайте с вас начнем, а потом будет представитель Греции поступать. И все выступим, друзья.

Владимир Тимаков: Тимаков Владимир Викторович, зам руководителя экспертного центра Всемирного русского народного собора, я демограф. Буду говорить по демографии, отдых перспективах, которые могут иметь экономическое значение, и о том, что несмотря на очень высокий технологический уровень современной цивилизации мы все-таки продолжаем быть связанными с природой. Мы знаем, что основной тренд сейчас миграционный это движение с юга на север.

[02:05:00]

С быстрорастущего, переживающего демографический взрыв глобального юга, в богатые страны севера. Однако формируется и другая тенденция, которая может быть проявится, по крайней мере будет проявляться параллельно с этой. Мы все с вами ожидаем, что нашу страну, наши огромное полупустые просторы скоро заселят китайцы, это уже предмет фольклора. Однако фактически никакие китайцы нашу страну не заселяют. Если смотреть на статистику, то число китайцев на ПМЖ сокращается в России.

В провинции Хэйлунцзян, которая по другой стороне находится от реки Амур, население последние 15 лет фактически не растет, растет население в гораздо более густонаселенной провинции Гуандун, которая находится на крайнем юге Китая. Всемирный банк пытается объяснить такой феномен тем, что там, где много населения, оно уже экономически активно, и к этой экономической активности притягивается другая экономическая активность. То есть такой закон экономической гравитации: чем плотнее население, тем больше буду туда ехать в перспективе.

Мы пытались проанализировать, какие же факторы все-таки работают в данном случае с Китаем. Пытались канализировать плотность населения – притягивает она или не притягивает мигрантов, удаленность от моря, климатический режим. И получили такую вот картинку, получили, что достоверную связь какую-то можно выявить с климатическим режимом. То есть чем теплее зима в этой провинции, тем больше туда приезжает внутренних мигрантов, тем быстрее там растет население. То есть достаточно выраженная зависимость. В Соединенных Штатах Америки эта зависимость выражена еще сильнее. Если бы сейчас война Севера и Юга в тех же блоках приключилась, то у Севера не было бы такого значительного демографического превосходства, как 150 лет назад. И особенно это за последние десятилетия четко очень видно, причем это связано не с внешней миграцией; внешняя миграция именно притягивает, где больше народу живет. То есть Нью-Йорк сопоставим с Калифорнией по числу внешних мигрантов, а

внутренние мигранты перераспределяются, едут в Калифорнию, Техас, Флориду, Джорджию, то есть где безморозная зима.

И собственно в России после 1991 года, после перехода к рыночным отношениям, хотя у нас больше всего притягивается к столицам... Вот такая зависимость в Китае, вот такая зависимость в Америке, то есть чем теплее, тем большее рост населения. И у нас тоже, несмотря на то, что есть притяжение к крупным городам, мегаполисам – после 1991 года сокращается население больше всего в городах, регионах с морозной зимой, и растет там, где зима достаточно теплая. То есть Калининград, Белгород, Кубань.

Чем это можно объяснить? Такая гипотеза: исторически население распределялось по поверхности земли пропорционально, оно пыталось занимать площади. Аграрное производство предполагает занятие площадей пропорционально их биологической продуктивности. Добывающая промышленность предполагает занятие площадей – поиск полезных ископаемых. Но в современной экономике в аграрном производстве и добывающей промышленности занята очень небольшая часть населения, Это буквально проценты, даже не десятки процентов от общей численности. Вся остальная часть населения может быть сконцентрирована в других отраслях обрабатывающих и непромышленном секторе.

И теперь возникает вопрос – где выгоднее размещаться, города же не требуют себе большую территорию. Казалось бы, они могут размещаться, притягиваться к центрам производства сырья, но современный транспортный фактор снижает зависимость от размещения сырья, доставки, от коммуникационных расстояний. Во-вторых, сама доля сырья в конечной стоимости продукции сокращается. И получается, что зависимость от близости к источникам сырья снижается, а зависимость от климатического фактора, от отопления например возрастает, несмотря на энергосберегающие технологии, Потому что люди хотят жить просторнее, они хотят иметь больше жилой площади, более просторные офисы, производственные помещения. И все это требует отопления.

[02:10:00]

Этот фактор, гипотетически мы говорим, я думаю, это требует изучения, работает на то, что население будет продолжать концентрироваться в зонах с безморозной зимой. То есть основное развитие городских агломераций в глобальном масштабе будет происходить в зонах с безморозной зимой. То есть это юг Соединенных Штатов, юг Китая, Средиземноморье вероятно. Какие отсюда выводы следуют для России, если это подтвердится?

Первое – что нам глобальное нашествие мигрантов, в отличие от Евросоюза и США, не грозит. Здесь мы управимся своими силами с этими секторами, которые являются аграрными и горнодобывающими. Второй вывод, что в мировом разделении труда нам предстоит заниматься именно аграрным и горнодобывающим сектором. То есть сюда

мировые капиталы в порядке свободной игры на рынке вряд ли потекут для вложений высокотехнологичных во все постиндустриальные сектора, которые связаны с крупными мегаполисами. Если мы это хотим развивать, поэтому надо делать вопреки в какой-то степени рыночным законам, волевым порядком.

И, тем не менее, надо выбирать все-таки зоны, которые максимально снижают издержки. То есть с перспективами для развития мегаполисов современных в России являются Калининград, Крым, Кубань и такие зоны, где можно снизить расходы, связанные с климатом.

Александр Пороховский: Спасибо, очень интересно. Есть ли вопросы?

Из зала: Вашей теории противоречит тот факт, что сейчас мигранты стремятся в Швецию, а не в Испанию или Италию.

Владимир Тимаков: Конечно, я говорю, что это новый тренд. А старый вы совершенно правы, старый тренд – из бедных стран с высокой рождаемостью едут в богатые страны.

Из зала: (нрзб) (02:11:52)

Владимир Тимаков: Экономически они же тоже являются производными, Европа сделала свое богатство. Она сделала его разными путями: колониальным, экономическим, научным. Это богатство есть на сегодня, оно притягивает людей. Но рано или поздно мы можем ожидать, что что-то изменится. И все-таки Швеция это не Архангельск, и тем более не Якутия.

Александр Пороховский: Прошу Анатолия Николаевича Макарова, с Волги, с Набережных Челнов.

Анатолий Макаров: Я тематику привязываю к теме секции – «Глобальные проблемы». Тема будет звучать «Продовольственная безопасность и проблемы реформы земли в России». Приведу некоторые цифры. Проблема голода всем известна, сейчас примерно 800 миллионов человек по статистике голодают, то есть умирающих от голода людей больше, чем умирающих от СПИДа, туберкулезная, малярия и так далее. Но в то же время население Земли растет взрывными темпами, тоже такие цифры: 1800 год – население стало миллиард; 1920 год – удвоение, через 50 лет удвоение произошло в 1975 году. Сейчас у нас проживает 7 миллиардов 500 миллионов человек. Я поднял даже перед выездом численность, там такой счетчик имеется в реальном времени. То есть в сутки население увеличивается на 243 тысячи человек.

Понятно, чтобы кормить столько людей, требуется продовольствие. Но продовольствие тоже увеличивается. С 2010 по 2015 год увеличилось в три раза продовольствия, но там больше доля роста цен, курсовые разницы. То есть в принципе роста продовольствия такими темпами нет, понятно, что есть дисбаланс роста населения и роста продовольствия. Понятно, что надо пашни увеличить, однако пашни с каждым годом

уменьшаются. Сейчас у нас составляет 0,2 гектара на человека, через два года будет 0,15 гектара. В России пока земли много, мы занимаем четвертое место в мире по количеству земель. У нас приходится 8 человек на один гектар земли в отличие от Монголии, там два человека, Монако – 16,5 человек приходится. Но однако при продовольственным городе имеется программа рядом стран по сокращению продовольствия.

[02:15:00]

То есть понятие голода рукотворное. В России эта проблема имеет особые оттенки, потому что проведенная земельная реформа в 90-е годы имеет такие негативные аспекты: тенизация Земли, заброшенные земли, около 40 миллионов гектаров земли в России заброшено, есть спекуляция землей. Я сегодня в Аграрном секторе был – огромное количество земель находится в агрохолдингах, которые их не обрабатывают, как сельхозпроизводители, а ради спекуляции. Есть сейчас ситуация разорения таких холдингов. «Вамин» в Татарстане разорился и сейчас банкрот, у него 600 тысяч гектаров земли. Сейчас он пытается подать по 60 тысяч гектаров предприятиям. Однако земли разношерстные, там есть узаконенная земля, заброшенная земля, паевые доли. То есть это 600 тысяч гектаров разнокалиберные, разностатусные, не узаконенные. Понятно, что ни одно предприятие их в таком виде не возьмет, потому что пока их приведешь в порядок, столько денег нужно...

Но корень этого зла – паи так называемые, то есть земля передана в паи крестьянам бесплатно, эти паи сейчас источник злоупотребления. Сейчас и уголовные дела возбуждаются против администрации городов, районов. Даже у нас Минниханов выступал в декабре, собрал работников прокуратуры и обращался к прокурорам, просил мораторий, чтобы сразу не возбуждать уголовные дела, чтобы исправили дела, каждую неделю возбуждают такие дела, два дела поступают по поводу злоупотреблений.

Однако это означает, что законы экономики неумолимы, даже власть президента здесь бессильна что-то изменить. Законы экономики действуют по Марксу, где имеется капитализация, норма прибыли – капитал течет, хотим мы или не хотим. Потому что спекуляция позволяет получать баснословные прибыли. Потому что паи переводят в статус строительства, земли, которые получили бесплатно, узаканивают и продают под строительство. Там вместо миллиона можно получить из 100 миллионов рублей, то есть сумма заманчивые.

У нас имеются разработки, имеются статьи, то есть корень зла остается в самой теории реформы. Рыночный фундаментализм – основа беды в аграрной экономике в отношении собственности на землю. Пока мы не изменим эту ситуацию, она будет идти по законам экономики, как по Марксу. Спасибо.

Еще я хочу порекомендовать свой журнал, в редколлегию входят ваши кумиры, известные ученые, он выходит с 2009 года, называется «Региональный экономический журнал».

Пожалуйста, направляйте свои статьи, поднимайте рейтинг нашего журнала и свой рейтинг.

Александр Пороховский: Спасибо. Пожалуйста, Василиус Такудис из Греции. Пока можно задать вопрос.

Из зала: Я бы хотела узнать ваше отношение к Monsanto, это организация, которая сейчас пытается населять генетически модифицированными растениями нашу Землю.

Анатолий Макаров: К глубокому сожалению – я не знаю.

Александр Пороховский: Это американская компания, я могу об истории рассказать, но уже слово имеет у нас греческий коллега. Сейчас Василиус работает в Институте труда в Афинах, он относится к профсоюзам Греции. У нас есть проекты совместные, в том числе, мы впустили общую книгу вместе с греческими коллегами и будем работать дальше. Пожалуйста.

Василиус Такудис: Спасибо за приглашение и возможность. Я обязан хорошие слова сказать России, поскольку здесь идет речь о типе развития будущей России. Вы мне позволите сказать несколько подозрений по этому вопросу, которые мы обсуждаем и в Греции, и между нами, и с другими коллегами из других стран в нашем институте, в наших общественных кругах и так далее.

[02:26:07]

Россия – большая страна, она прогрессивная страна исторически. То есть тип обобществления капитала нам интересно, чтобы через Россию давал миру труда хотя бы нейтральные результаты, не имелось отрицательного результата, который, между прочим, от этого четвертого поколения неоиндустриализации мы ждем, и наши волосы уже поднимаются.

Россия – большая страна с точки зрения пространства, там много полезных ископаемых. То есть оборона этой страны нуждается в государстве. Прежний вопрос о том, чтобы тип развития России давал результаты хорошие для труда, тоже нуждается государство. Государство нуждается в России из-за климата, после какой-то 35-й параллели невозможно без государства. Такая огромная страна, исторически прогрессивная и поэтому государство должно быть налицо.

И есть подозрения другие. Например, вопрос о сфере услуг. Была такая мода в 80-е, от Америки это все пошло, США хотели нас всех, особенно европейцев убедить, что сфера услуг это очень важно для роста. Это как будто убедились европейские страны и поняли когда-то, что это очень хорошая шахматная игра. И богатые европейские страны играли в ту же игру с бедными и маленькими странами. Мы развивали сферу услуг, но от этого не нашли новые пространства для интегрального развития.

Есть еще по поводу нефти подозрения. Продавать и опираться однобоко на нефть это не умно. Между прочим, Россия имела самые хорошие традиции в шахматах, в стратегии, в стратегических играх. США не делает много инвестиций для нефти внутри страны, она тратит нефть в других странах, покупает даже нефть в других странах. И если нужно – бросает несколько бомб и получает территорию, чтобы вытаскивать оттуда нефть. Если нефть это конечная область развития, но надо стратегически это выяснить, как с ней играть.

Потом НИОКР. Вот девушка поставил вопрос очень интересный. Там надо сделать выбор среди направлений: Китай, Корея, Япония и так далее, все исторические направления. Но повторять уже неуместно. Надо найти что-то, что не было найдено до сих пор. Вот это вам все известно, но оно связано с тем, что я говорил в начале о прогрессивности России: воздух и вода. Инвестиции в воду это геополитическая помощь всей Африке.

[02:25:07]

Делать инвестиции, сделать отток капитала, который имел хороший результат на Кипре – там все российские капиталы, которые скрывались на Кипре, получили большой удар от Европейского союза в продолжение одной ночи. Смогли бы подумать – инвестиции на воздух и на воду, чтобы геополитически играть с Африкой. То очень важно, мне кажется.

Космос. Есть такой пример: НАСА не имеет денег, что делает – она заявляет большой международный конкурс всех очень сильных институтов, групп исследований мира без денег. И это называет (нрзб) (02:26:24). Но получает большие мозги, без денег, бесплатно. Вот надо найти. Даже для детей имеет хорошие детские лагеря, очень плодотворные с точки зрения денег. То есть надо найти новые моменты.

Еще по вопросу типологии – было очень интересное по типологии, там были собраны разные критерии, главные критерии, которые были поставлены: труд, капитал, доход и географии лидерства. Вот туда в эту типологию надо прибавить продукт. Это связано с продуктивностью, которую в начале товарищ Пороховский говорил, что он считает, что производительность. Производительность это объем на время, и главный вопрос о продукте – надо как в шахматах, предвидеть то, что предвидели другие, чтобы пускать продукт новый, который был бы продан для того, чтобы завоевать не завоеванный другими силами рынок, а открывать новые рынки. Спасибо.

Александр Пороховский: Спасибо.

Наталья Протопопова: Наталья Ивановна Протопопова, финансовый университет при правительстве Российской Федерации. То, что я сейчас скажу – это не является догмой, а выношу на ваше обсуждение и мне значимо будет ваше мнение. Тема моего научного исследования и доклада – это согласование экономических интересов государства и частного капитала. Смотрите – все, что я слышала на конгрессе в Санкт-Петербурге, и то, что я слышала сегодня в выступлениях уважаемых ученых, и то, что я прочитала в

последней литературе – это все укладывается, вот все, что предлагали самые уважаемые люди в экономической науке, это все укладывается в создание условий для эффективного функционирования частного капитала.

Я несколько переволновалась и перескочила. Смотрите, если мы рассуждаем, как политэкономы, то, естественно, все наши исследования, прежде, чем мы говорим о наших исследованиях, мы должны определить картину мира, научную картину.

[02:30:10]

Согласно теории парадигмы, парадигма состоит из научной картины мира и с методологии, то есть познания ее. Мы исследуем какой мир? Мы исследуем мир экономики, мир капиталистической экономики, индустриальное общество второй волны. Следовательно, если это у нас, но это я так, я не говорю, я не диктую, я просто исхожу из своих рассуждений – если это у нас мир капиталистической экономики, то тогда следовательно, у нас главный субъект всех тех намерений и построение инновационной экономики, и решение всех проблем, и реализация стратегии 2020 и 2030 годов во всех их формах и так далее, субъектом всего этого является частный капитал.

Когда мы говорим о том, понимаете, при прочих равных условиях, сейчас пока абстрагируемся, просто говорим, Маркс говорил, в капиталистическом обществе, при капиталистическом способе производства, главный агент отношений и главный производства – это частный капитал. Следовательно, если мы говорим, что частный капитал у нас является субъектом, главным субъектом наших общественных отношений, то следовательно, чтобы его задействовать, мы должны учитывать экономические интересы. Смотрите, никто нигде, я специально смотрела долго-долго и читала работы, в отдельных только работах можно увидеть однокорневое слово «заинтересованность, но нигде не сказано, а кто будет это выполнять. То есть какое-то безличное, знаете, как в русском языке безличное предложение и неопределенное личное предложение: стучали, молчали, пытались решить проблемы – кто?

Вот если исходить из теории, и если исходить из марксистско-политэкономической парадигмы Маркса, то следовательно – это частный капитал. Мы знаем из той же теории Маркса, что частные интересы могут быть как двигательной силой развития, так и разрушительной силой. То, что показывает российская практика, у нас, безусловно, хищнический, разрушительный, ужасный частный капитал. Но при всем при этом, когда мы начинаем смотреть и структурировать, мы понимаем, что есть олигархический капитал, который слит с властью и это страшно абсолютно и никогда не пойдет ни на какие компромиссы.

Но есть большая часть капитала, которая представлена лучшими представителями, деятельными представителями, которые действительно хотели бы решать проблемы, конечно, движимые частными интересами, но эти интересы могут быть созидательной

силы. И если мы возьмем понятие Маркса – движительная сила частных интересов, то он говорил, что частный интерес может быть разрушительным, а может быть движительной силой. Но для того, чтобы он был движительной силой, для этого должны быть созданы условия. Если мы берем Запад, и говорим «западный капитализм», то там часть, вы меня простите, что я говорю, я знаю, что вы и без меня знаете, просто мы напоминаем, что там часть этих условий были созданы в процессе эволюционного развития капитала.

И Маркс же делит их на две группы – наличие армии труда, развитая кредитно-денежная система, доступные кредиты, дешевые кредиты. И Маркс говорит о том, что дешевые кредиты имеют исключительно важное значение для развития капитала, потому что позволяют вовлекать в орбиту капиталистических отношений молодых, способных, талантливых, у которых нет денег, но кредит позволяет им включаться и быть активными участниками. И далее мы говорим, что должен быть рынок факторов производства, доступный уровень цен на капитальные ресурсы и так далее – это все создается в процессе эволюционного развития.

А дальше Маркс выделяет вторую часть предпосылок, а вторая часть – это то, что капитал не может сделать, это, например, организационные структуры рынка, то есть конкурентные, не конкурентные, потребительная сила общества, нищие или не нищие. То есть рынок может функционировать только в том случае, если у населения есть деньги, а если нищее население, оно не может предъявлять спрос и так далее. А дальше он говорит о добросовестном поведении агентов инфраструктурных отраслей. И если мы как раз посмотрим, то у нас безобразное поведение агентов инфраструктурных отраслей, и у нас у кого-то в докладе прозвучало, что 30% только уходит прибыли капитала за счет того, что недобросовестное поведение этих агентов и так далее.

[02:35:10]

И теперь, если мы диалектически подходим к учению Маркса, то у нас тогда встает третий вопрос, что должна быть институционально-правовая инфраструктура, которая бы защищала частный капитал, и потом такие моменты, никто не сказал, нигде не прозвучала проблема частной собственности. Если мы возьмем Бара, политэконома, премьер-министра Франции в 80-х годах, то Бар говорит о том, что стратегические ресурсы, безусловно, должны принадлежать государству, чтобы государство могло создавать условия для функционирования национальной экономики. Просто я этим вопросом много занимаюсь и я понимаю, что без решения, без пересмотра итогов приватизации, нас же с вами никого не затрагивает Касперский, правильно? Богатый человек, очень богатый человеке, но вот Касперский, Касперский, и пусть он будет миллионером, мультимиллиардером, но когда у нас вся страна стоит в кассах помощи детям и в то же время у нас нефть, и газ, и лес, все принадлежит 1% населения по статистике, а вся остальная страна нищая, и потом, неправильно говорит наш президент, что нет оснований, если мы прочитаем отчет Счетной палаты, Степашина, итоги приватизации

1993-2003 год, то там черным по белому написано, что ни одна приватизационная сделка не была заключена справедливо, каждая из них либо с нарушением Уголовного кодекса, либо Гражданского кодекса. Все, спасибо за внимание.

Александр Пороховский: Хочу добавить, что если вы помните, что приватизационные сделки, в том числе и вот эти самые аукционы, которые были после этого, залоговые, они делались не на основе закона, а на основе указа президента – это имеет большую разницу. Если это сделано на основе указа президента, его отменить можно в любую секунду, потому что это было сделано в этом смысле незаконно, потому что оно было сделано на основе административного акта и прочее. Поэтому есть разница между, даже бывает сделана по закону, но законы бывают такие, что они приводят к плохим последствиям, их тоже меняют. Но в то же время повторяю, вот эта специфика имеет значение, что как раз весь процесс приватизации, вы помните, из-за чего начался роспуск Верховного Совета? Он не утвердил указ №400 и не принял закон о приватизации, вот было две причины, по которым возникла эта проблема 1993 года. Это просто маленькая иллюстрация к тому, что я говорил.

Я хотел сказать уважаемые, коллеги, может кто-то будет раньше уходить, здесь нам принесли книгу, которая называется «Гейл Брейт возвращается», это в связи с выходом книги «Новое индустриальное общество 50 лет назад». Здесь есть много известных авторов, в том числе стоящий перед вами. Поэтому, кто желает получить книгу, вот она здесь лежит, можно взять, когда вы будете уходить и у кого ее еще нет.

Алексей Архипов: Уважаемые, коллеги, я – Архипов Алексей Юрьевич, Южный федеральный университет, зав кафедрой международного бизнеса, доктор, профессор. Хотелось высказать в ходе нашей дискуссии какие-то соображения. Понятно, что с презентациями здесь сложно очень. Важное у нас событие и надо сказать, что в державе сложилась такая система конференций, отдельно собираются либеральные конференции в ВШБ, сейчас даже больше Гайдаровский форум, и надо же другие силы, где государство, вот здесь Московский экономический форум.

Что только немножко смущает в последнее время? Большинство из нас участвовали в них и с 2013 года темы все одни и те же. Они важные, но опять сырьевая направленность, опять Центробанк не так работает, опять рост инфляции. Знаем мы это все, говорим об этом, но что-то надо, чтобы менялось, вот я думаю, что это наша общая задача. Надо сказать, что все-таки за эти годы одно такое внешнее событие внесло некоторое оживление, это когда в 2014 году события на Украине, и санкции против нас и антисанкции.

[02:30:02]

И вот то, что появилась эта возможность импортозамещения, вот эта девальвация с обесценением рубля и повышением импорта – заинтересованности больше реальной. То

есть в чем-то эффект, помните 1998 год – почему у нас задышала промышленность, четыре раза изменился курс и импорт просто остановился, потому что сразу в четыре раза выросли цены, и еще бывшие мощности в России стали задействоваться. И вот этот эффект начала 2000-х сказался. Там и другие были, но было очень важно вот такое составляющее. Здесь чуть-чуть этот эффект пошел, но, к сожалению, не далеко. Мне кажется, вот это, я бы назвал, окно возможности надо продолжать использовать.

Сейчас, видите, почти и не говорили, и сегодня, а это мне кажется, очень важно, и это уже какую-то сыграло роль, вот сегодня тоже звучало, при общем сокращении, а в 2015 и в 2016 году те отрасли, где реальное импортозамещение получилось, они реально серьезно вперед продвинулись. Какие? Это оборонка, прежде всего – 20% в 2015, 12% в 2016, и сельское хозяйство, при вот этой сложной ситуации на 3% в этом году, на 4% с лишним рост, а в некоторых областях, вот у нас, я с юга, это Ростовская область ип до 15% рост. Там, конечно и погодные условия, но это реально. А промышленность у нас в области в 2015 году выросла на 54%, там немножко футбольные дела, там стадион, там же огромный аэропорт, там и другое было что-то, удалось и инвестиции какие-то и внутренние завести даже, зарубежные в этих условиях. То есть многое зависит от реальной работы на местах и бизнеса, и, конечно, в связке с государством. Мне представляется это направление нам надо двигать, и оно поможет в этой тяжелой ситуации, о которой можно говорить долго.

И второе, что важно, и у нас уже звучало – это трансферт технологий. Науку свою, не закупать станки, а постепенно-постепенно, понятно, это сложно, на основе своей науки, ее поддержки, выработки так сказать для промышленности решений, тоже двигать и науку. Потому что у нас, к сожалению, за все эти годы и бизнес, и государство привыкли за рубежом закупать, про свои возможности часто забываем. Образование – тоже хорошие были вопросы, как будет роботизация, тут уже надо смотреть, вперед, какие будут востребованы отрасли, и может прекратить вот те тяжелые процессы, которые идут в образовании. Так может что-то и будем двигаться. Спасибо.

Александр Пороховский: Спасибо большое.

Александра Ждановская: Александра Ждановская РЭУ им. Плеханова, кафедра политической экономики и историко-экономической науки. Я хотела бы обратиться к проблеме, которая, на мой взгляд, частью наших экономистов не осознается, а именно – к проблеме внешнего долга в Россию. Очень часто в СМИ мелькала такая информация: Россия расплатилась с Валютным фондом, решена проблема внешнего долга. Я хотела бы вам показать данные, которые это опровергают.

Во-первых – даже перед валютным фондом у нас долг в настоящий момент где-то около 7 миллиардов долларов, но это на самом деле всего лишь маленькая толика того, какая у нас задолженность.

[02:45:03]

Я основывалась на базе данных Всемирного банка, очень хорошая база данных электронная, называется International Debt Statistics, каждый из вас тоже может в нее зайти. Там 214 показателей касающихся внешнего долга и вы можете или я могу прислать вам данные, которые я нашла и, опять-таки, их просмотреть. Проблема состоит в следующем, что стратегия, которую предлагает Валютный фонд – это развитие за счет внешнего долга. Мы видели, начиная где-то со второй половины прошлого века попадание развивающихся стран в долговую зависимость, в 80-х годах кризис, который не был решен, на развивающиеся страны или по-другому страны третьего мира – еще добавляются им структурные реформы. И проблема в том, что в 90-х годах в ту же самую долговую ловушку попадает Россия.

Проблемы зависимости, съедания ресурсов, которые необходимы для развития, и долг оказывают давление по проведению реформ структурного приспособления, в частности касается и образования, здравоохранения и так далее. Это данные, касающиеся зависимости долговой в развивающихся странах, как рос долг. Теперь вернемся к российскому долгу, посмотрим его структуру. Он подразделяется внешний долг на долгосрочный и краткосрочный долг. По графику, наверное, не очень хорошо видно цифры, я сейчас подытожу.

С 1992 по 2015 год весь внешний долг, вся сумма выросла с 79 до 467 миллиардов долларов, из этой части краткосрочный с 13 до 42, а долгосрочный с 64 до 417 миллиардов долларов. Если посмотреть всю задолженность Российской Федерации, а это уже данные Центробанка, и на 2016 год, и посмотреть основной долг, во-первых, здесь он уже вырос, мы видим не 400 с чем-то, а уже 523 миллиарда, посмотрите, какую большую часть занимают проценты, красным выделены. Дальше вернемся ближе к государственному долгу.

Существует иллюзия того, что государственный долг падает. Она, можно сказать, питается частично тем, что если зайти на сайт Министерства финансов, мы увидим данные касательно государственного долга, которые не включают в себя гарантированный государством долг. Теперь я дам определение в широком определении. Есть широкое определение государственного долга, оно используется нашими кредиторами и это то, что нас, собственно говоря, будут спрашивать. А именно – это долг, в государственном расширенном определении включает государственный гарантированный долг, то есть долг, в частности, корпораций и банков, где государство и банки владеют больше 50%. Вот в расширенном определении мы видим, что этот долг вырос.

Теперь по цифрам. Если взять долгосрочный долг, государственный гарантированный, гарантированный государством, его рост с 1992 по 2015 года... да – это еще рост частного внешнего долга, насколько он вырос. Теперь цифры. Значит государственный, гарантированный государством долг вырос с 1992 по 2015 год – это данные Всемирного

банка, с 64 до 194 миллиардов, и мы видим, кстати, никакого падения, такого большого значительного, в принципе, нет. Частный долг, там данные с 1997 года – с 1,9 миллиарда до 223 миллиардов, то есть растет и государственный, гарантированный государством и частный долг. И суммарно данные по государственному долгу долгосрочному: вырос с 1992 по 2015 год, долгосрочный вырос до 417 миллиардов. Вот это определение внешний долг государственного сектора расширенного определения и получается, что если противопоставить то, что дают данные Минфина – 50 миллиардов долларов, а то, что дает Всемирный банк и Центробанк – данные в четыре раза больше, извините, 194 миллиарда.

Дальше вопрос: а кому мы, собственно говоря, должны или за счет кого, кто были теми кредиторами, за счет кого вырос наш долг? Вот это опять-таки данные Всемирного банка, можно подразделить кредиторов на частных и официальных.

[02:50:05]

Официальные включают государство и международные организации, мы видим, что график показывает, сколько было предоставлено в этот год в объеме кредитов, в миллиардах долларов. Мы видим, что вот эта верхняя часть, верхний график показывает кредиты, предоставленные частным секторам, то есть рост долга, государством гарантированного был за счет кредитов, предоставленных частными кредиторами.

Теперь обслуживание государственного и гарантированного государством долга, мы видим, что оно выросло. Давайте посмотрим, данные впечатляют. Обслуживание гарантированного государством долга, если в 1992 году Россия тратила на это 1,4 миллиарда в год, то в 2015 году 43,6 миллиарда. То есть примерно в 31 раз сумма того, что мы платим выросла.

Какие связаны проблемы с ростом внешнего долга? Во-первых – это зависимость от ставки процента на международных финансовых рынках и есть такой показатель у Всемирного банка – это, вы видите, красным выделено – *variable interest rate*, то есть это плавающая ставка процента. То есть она касается той доли в долге, где процентная ставка плавает в зависимости от международной ставки процента, например, либор есть, или другие ставки процента. И что это показывает? Это показывает, насколько страна зависима от изменений, то есть кредит мы возвращаем не по определенной ставке, а она выросла через какое-то время. и если посмотреть эти данные для России, то для 2015 года из 460 миллиардов, 313 миллиардов – это был долг по плавающей процентной ставке. Вот это можно графически тоже задать в этой базе данных, мы получим весь долг, синим наверху, и красным долг по этой плавающей ставке.

Так же есть исследования, которые показали, что проблема долга, в принципе, по тем требованиям, с теми требованиями кредиторов, которые они предъявляют к прибыльности, она, в принципе, не решается и не решается, потому что реальная норма прибыли и рост ВВП лежат ниже тех процентов, которые на валютном рынке, то есть на

финансовом рынке могут быть 15-20%, произвести рост ВВП и норму прибыли намного ниже. Вот, например, публикация была в Бундестаге комиссии по глобализации, там есть исследования на эту тему.

Следующий пункт зависимости: если у нас большой внешний долг, мы зависим от курса рубля к доллару, то есть, если у нас слабый курс рубля, а Валютный фонд требует занижения валюты стран-должников, то получается, что для выплаты долга, чем хуже наш курс валюты, тем больше нам придется трудиться и вывезти нашего сырья, чтобы оплатить этот долг. Есть хорошие исследования по курсу ППС и обменному курсу, представителями миросистемного анализа, например, Келлера.

Во-первых, если взять вопрос – сколько же, в какой же валюте наш долг, вот менялась структура, разной валютой и на настоящий момент 99% нашего долга мы имеем в долларах, поэтому речь будет о курсе к доллару. Интересная, хорошая статья, на мой взгляд, представителя миросистемного анализа, канадского экономиста Гернета Келлера, и по его подсчетам он сравнивает ВВП в реальных долларах, то есть по курсу валюты в ППС и разницу между ними. Для России эта разница получается, коэффициент искажения он это называет – в настоящий момент 2,69. И приходит таким образом к курсу, на его взгляд, к такому правильному курсу рубля около 20 рублей.

Закругляюсь, просто перечислю: чем, понятно, дешевле сырье, тем нам потом будет проблематичнее оплатить долг; требует под давлением долга, требует Валютный фонд сократить расходы на образование и здравоохранение и так далее. Есть официальный критерий устойчивости Валютного фонда, который показывает, какую часть от ВВП внешний долг составляет экспорта товаров и услуг, но проблема в том, что Валютный фонд, который все-таки выражает интересы кредиторов, обычно не видит проблемы в долге, какой бы он большой ни был.

[02:55:15]

И я хотела бы последнее, самый важный момент представить вашему вниманию, именно есть организация (нрзб) в которой организованы эксперты с развивающихся стран, которые занимаются долговой зависимостью. Они выработали другие критерии, которые касаются того, насколько долг соотносится с возможностью государства обеспечивать права человека, социальные права человека на образование и здравоохранение, оказывает ли долг плохое влияние, ухудшает ли долг, например, уровень жизни и так далее. И вот интересные публикации, хотела бы обратить ваше внимание, что вот у нас коллега из Греции сегодня здесь – мы знаем кризис в Греции, и там в парламенте была создана специальная комиссия, по общественному аудиту долга, и они выделили разные кредиты из этого долга, критерии, по которым они определяли этот долг. Например, нелегитимный долг, нелегальный долг, долг, который не может быть выплачен с точки зрения того, что он не дает социальной обязанности государству выполнять и так далее.

Мне кажется, что это нам очень интересно было бы и в будущем России так же оценить свой долг. Спасибо.

Александр Пороховский: Один вопрос, пожалуйста.

Из зала: Скажите цифру обслуживания долга в долях ВВП, в процентах сколько примерно?

Александра Ждановская: Обслуживание здесь в долях ВВП, у меня была цифра всего долга, по обслуживанию у меня сейчас нет, но это можно найти в этой базе данных. Обслуживание где-то было, по-моему, 11%.

Александр Пороховский: Еще один вопрос. Пожалуйста.

Из зала: Вы можете прокомментировать, какие сектора отрасли, какие компании частные, особенно в корпоративном?

Александра Ждановская: Я не могу, потому что я этот вопрос в тот момент себе не ставила, но я посмотрю. Опять-таки, можно найти подробно вот на этом сайте, в базе данных Всемирного банка.

Александр Кайгородцев: Кайгородцев Александр Александрович, профессор Восточно-Казахстанского госуниверситета. Я второй день присутствую на вашей конференции. Вчера посвящено было вопросам теории и практики, и вот теоретические вопросы показывают, что действительно жизнь научная в МГУ и дружественных вузах течет. Это хорошо, потому что теория экономическая, вы знаете, устарела, а без теории, и мы практики, не можем разработать каких-то предложений по выходу из того же самого кризиса. На мой взгляд, надо совмещать, синтез проводить марксистской теории, кейнсианской, поскольку та и другая, отдают приоритет государству. Но мы видим, что и на Западе, хорошо товарищ, профессор Лейбман сказал, что, оказывается в Британии очень хорошо к Марксу относятся и развивают эту теорию, и я думаю, на этом пути надо как-то работать.

[03:00:00]

А мое выступление посвящено вопросам безопасности экономического роста. Я, прежде всего, буду говорить о финансовой безопасности. Тут выступал Олег Олегович Комолов, затронул вопрос вывода капитала, но он говорил по вопросам России. Я те тезисы, которые отправил, там то же самое рассматривается по Казахстану. Тоже серьезная проблема, за 10 лет было выведено 167 миллиардов долларов – это равно двум бюджетам страны. То есть огромные деньги выходят, вот тут госпожа Ждановская выступала, она тоже говорила о проблемах внешнего долга, а это все равно связано с выводом капитала. Потому что мы вынуждены рассчитывать по своим внешним долгам, и, естественно деньги уходят, а их нужно вкладывать в наше инновационное развитие.

Вот первая девушка выступала, она говорит: денег нет – правильно, и не будет их, если они будут уходить из страны. Поэтому здесь надо все-таки определиться – это в интересах нашего государства, вот я спорил с Олегом Олеговичем, или все-таки это навязано определенными лицами, линия, причем не нашими, эти наши олигархи все равно подчиненную роль играют – это, прежде всего, внешние силы. Кстати по Казахстану вывод, два пути основных – это международные оценки или занижение в процессе таможенного декларирования фактической стоимости импорта и экспорта, это 83% приходится; и использование фиктивных зарубежных фирм-однодневок.

Ясно, что это не государство – это частный бизнес выводит таким образом деньги из страны, но государство, вот Национальный фонд, так же как у вас, за счет сверхприбылей по нефти, разными оценками пользуясь – Глазьев где-то 15 долларов и поэтому, в принципе, 30 нормально вполне, а все остальное – это сверхприбыль, поэтому государство аккумулирует, чтобы не было инфляции. Инфляция, кстати – это тоже бич рыночной экономики, хотя в определенных пределах она ее заставляет двигаться. Поэтому тут позиции, хоть Набиуллиной, хоть наших банкиров казахстанских, их не оспоришь, потому что главная задача Национального банка – это именно удержание инфляции.

Но с другой стороны, надо развивать экономику, надо печатать деньги, вливать в экономику – этим занимается уже не Нацбанк, этим занимается Министерство экономического развития, а у него денег нет. Вот наш президент в своем последнем послании выдвинул такое предложение, требование получается, потому что президент когда просит, тогда требует: надо соединить функции и Национального банка, и Министерства экономики, то есть одновременно они должны заниматься и инфляцией, снижением ее, и ростом экономики. А как этого добиваться – это уже нужно моделировать.

По-моему, Орешин занимается моделированием здесь, это его епархия, потому что без моделирования точно не скажешь, сколько должна быть инфляция. Она все равно будет, если мы будем развивать экономику, но что нам важнее сегодня – пусть цены падают, но зато мы всю жизнь будем жить на низком уровне, или может быть мы потерпим высокие цены, какие высокие – это пусть математики решают, а потом все-таки двинемся вперед?

Далее, еще какая проблема – золотовалютный резерв, по-моему, Олег Олегович тоже говорил об этом, в Казахстане он сокращается, но это тоже проблема экономической безопасности. Дефицит государственного бюджета у нас вроде бы в пределах нормы, в течение последних нескольких лет меньше, чем 3%. Но если убрать из этого расчета нефтяные трансферты из национального фонда, то получается 8,6% в 2015, данные по которому есть, а это уже перебор.

Короче говоря, тут еще по налоговым вопросам, проблема неуплаты налогов, я думаю, у вас такая же проблема. И причем удивительно: в Казахстане налоговая система является

КС «Российская экономическая модель в контексте глобальных перемен: угрозы и перспективы»

одной из привлекательных в мире, и тем не менее, наши предприниматели жалуются на то, что налоги большие, тут, наверное, как говорится, наш менталитет. Спасибо за внимание.

Александр Пороховский: Пожалуйста, вопрос.

Из зала: (нрзб)

Александр Кайгородцев: Нет, министерство не занимается, занимаются институты.

[03:05:00]

Александр Пороховский: Давайте у нас еще вы, и Михаил Юрьевич Павлов, я прошу по пять минут, а то трудноато работать три с половиной часа без перерыва.

Светлана Долматова: Уважаемые товарищи, коллеги, у меня, наверное, ближе всего к тематике данного круглого стола выступление, оно у нас звучит как – «Российская экономическая модель в глобальном контексте, угрозы и перспективы». Название моего доклада «Могут ли экономисты осуществить перезагрузку стратегии устойчивого развития». Мы признаем, что глобальные перемены есть, угрозы есть, под вопросом, каковы перспективы и какова должна быть российская экономическая модель. Вы видели, наверное, в преамбуле к нашему форуму цитату Гринберга. Он сказал, что непредсказуемость зашкаливает будущего развития, и неопределенность просто беспрецедентна. И наша задача сейчас определить – какая российская экономическая модель должна осуществиться. Не только на нашем немного альтернативном форуме, но и правительство понимает и готовит свои предложения.

В этой связи посмотрим, какие могут быть российские экономические модели, и ее перспективы в условиях глобальных угроз. Первая модель – это то, что есть, те принципы, на которых происходят последние 25 лет, это целое поколение нашего развитие. Это принципы *laissez-faire* – рынок все установит сам.

Поскольку мы уже поняли, что с этой моделью не готово даже правительство мириться, поэтому переходим к следующей модели. Условно ее назовем – модель про-актив. Вот сейчас обсуждаем именно эту модель, новое индустриальное развитие, предлагается индустриализация XXI века. Сейчас Санкт-Петербургский экономический форум был посвящен этой модели.

[03:10:04]

Она предполагает снижать возникающие риски, но она в целом адаптационная. Фактически это тоже реакционная модель на возникающие риски, будем просто усиливать возможности реагирования и адаптации.

Если первая модель – это практически у нас и реакция была неадекватная, мы просто принимали эти угрозы, принимали все недостатки и их абсорбировали. И вот это поколение, которое сейчас, 25 лет спустя появилось, оно взяло на себя все вот эти негативные процессы развития по модели *laissez-faire* в условиях глобализации. И третья модель – это если мы берем просто по аналогии, модель первой *laissez-faire*, это пусть идет как идет, тогда берем тоже этот французский сленг – модель *comme il faut* я называю эту модель, модель, которая должна ликвидировать предшествующие риски и быть готовой адаптироваться и предвидеть будущие риски. Вот почему поколение, которое вот сейчас выросло в условиях глобализации, которое отвечает протестом, допустим, в самом центре глобализационных процессов в США, ответило выборами Трампа – это неприятие вот этой модели глобального развития, которая происходило целое поколение.

Еще в 60-70-е годы были серьезные исследования и в рамках Организации Объединенных наций и в рамках Римского клуба, общественных организаций, и отдельные ученые известные, знаменитые говорили о том, что мы уже вступаем в эпоху глобальных угроз, их надо предотвращать для того, чтобы следующее поколение хотя бы имело те условия, в котором находилось поколение, которое поняло, что грядут глобальные угрозы. Мы все знаем – в 1987 году была комиссия Брундтланд... Вы знаете, на саммите 1992 года была принята концепция устойчивого развития, которая должна была предотвращать, как раз до следующего поколения вот эти негативные угрозы.

Что мы получили, почему не случилось устойчивого развития в условиях глобализации? Я вот даю определение, в первом сборнике по антиглобалистскому движению под редакцией Бусгалина, у меня вышла статья, я ее называла «Глобализация или оглобление». Вот тот период развития, который происходил после перехода к мировому рынку, постсоциалистическое развитие, устойчивое развитие перешло в фазу неустойчивого развития, потому что оно было транснациональными корпорациями трансформировано в мегауслугу по перманентному экономическому росту. Поскольку ВВП более всего мог расти при помощи услуг транснациональных корпораций. Поэтому для движения рынка и для увеличения экономических показателей в виде ВВП, транснациональные корпорации были самыми адекватными субъектами. При этом, само стремление к экономическому росту стало все больше превращаться из средства решения проблем, в причину их возникновения.

[03:15:15]

Вторая модель – это которая сейчас про-актив. Она не сможет ликвидировать угрозы в будущем, поскольку продолжает существовать консенсус трактовки успеха общемирового развития, как развития исключительно в экономической области с основным критерием в виде устойчивого экономического роста на основе ВВП, причем в сугубо финансовом измерении, к чему была сведена идея глобального устойчивого развития. Поэтому возможно два выхода: либо, как новая индустриализация – это снова индустриализация,

вы видели эти проекты, которые идут под лозунгом старой индустриализации или прогресса в виде зеленой экономики. Но третья модель, которая предотвратит в будущем угрозы глобального развития – это модель *comme il faut*, здесь нужно вернуться к повестке на XXI век, когда предполагалось формирование общего желаемого будущего для всех стран...

Александр Пороховский: Спасибо большое. Запомнили все модели, которые были предложены. Кто желает, вы скажите, где можно прочитать.

Светлана Долматова: Есть у меня в журнале «Международная жизнь».

Александр Пороховский: Скажите номер журнала и статью, чтобы мы могли прочитать. Вы сейчас можете назвать сразу?

Светлана Долматова: 2013 год, № 12. Долматова Светлана Анатольевна.

Александр Пороховский: Спасибо. Дорогие, коллеги, я, прежде всего, благодарю тех, кто может быть не с самого начала был, но подошел и дождался окончания работы нашего круглого стола. Вы понимаете, что научное сообщество не всегда может приступить к реализации того, что оно обсуждает. Но накапливается вот этот материал, который обсуждается и в конечном счете он выливается в решение. Каждый из нас, здесь много есть преподавателей, научных сотрудников, тут есть и немножко молодежи, ее было больше, но не выдержала наших заседательских возможностей и поэтому люди свободны, могли уходить. Поэтому, конечно, мы не питаем иллюзий, что все наши рекомендации мгновенно осуществляются, даже в былые времена, когда писались каждые конференции, как вы помните, писали всегда рекомендации практические, их направляли, как мы тогда говорили – в директивные органы.

Кто сейчас директивные органы? Администрация президента, все остальные, подчиненные органы, конечно, есть Дума, есть Совет Федерации, но мы с вами не обладаем законодательной инициативой. А по Конституции законодательной инициативой обладают определенные лица и определенные структуры, поэтому наше предложение, конечно, мы стараемся донести при обсуждении в Думе, при обсуждении в Совете Федерации, в аппарат этих организаций и конкретным депутатам, которые, естественно, обладают законодательной инициативой, потому что по статусу они такими являются.

Но вместе с тем, мне хотелось бы сказать, что сам факт обмена мнениями внутри нашего научного сообщества говорит о том, что не надо отчаиваться, мы знаем, что были в нашей стране, наверное, самые тяжелые периоды и мы смогли мобилизоваться и решить, выйти из этих кризисов. Я думаю, что и сейчас мы тоже эту проблему решим. Конечно, хотелось бы это быстрее сделать, но может быть это и получится, но так как вы все же видите, на форум приезжают люди, значит, они хотя и понимают, что окончательное решение не

принимают, но они хотят услышать мнения своих коллег, поделиться им и высказать, как-то на душе становится легче.

[03:20:03]

Когда проговоришь, вроде бы поделился, поделился, поддержали, вроде бы, как распределили ответственность и идеи. А с другой стороны мы ведь пытаемся и теорию развивать.

Я хочу всех поблагодарить. Дорогие коллеги, спасибо всем, продолжайте работать, форум не заканчивается, вы знаете, завтра продолжается, завтра будет завершение. А что касается нас – МГУ, то кафедра политэкономии, которую я тут представляю, здесь несколько профессоров с кафедры, включая (нрзб), Михаил Анатольевич, Иван Михайлович Теняков, Алиса Гаджиева выступала – это все политэкономы кафедры и они всегда готовы всем, чем располагают, поделиться с каждым из вас. Спасибо вам. До свидания.

Конец записи [03:21:15]